

Ф.Н. Козырев

ПРОЩАНИЕ АМАРТИИ

Редактор: О.Е. Любимова

Дизайн обложки: Н.Ф. Козырев

В оформлении обложки использован этюд А. Дюрера «Плачущий херувим»

Посвящается моему безвременно ушедшему другу
Сергею Александровичу Николаенко

Обращение к читателю

Вот и наступила осенняя пора жизни. И внесла во все, о чем хочется думать и писать, апокалипсическую нотку. Четверть века прошла с той поздней весны, когда я взялся за перо и испытал первые поэтические восторги, размышляя над нравственным подвигом многострадального Иова. Срок немалый. Наши великие писатели успевали пройти за этот срок огромный путь. А я топчусь на месте, на той же теме, и, как мне кажется, почти не изменился. Лишь повеяло близостью Неведомого, и плотнее сомкнулись уста, как у Екклесиаста: «и запираются будут двери на улицу» (Еккл.11.4). И та вечно юная часть души, что живет созерцаниями и дерзостно ищет ответы на главные вопросы бытия, не то притихла в ожидании получения окончательного ответа, не то подчинилась набирающей силу второй половине, которая всегда призывала к спокойствию, порядку и благоразумию, но голос которой был раньше недостаточно громок.

Так в моей литературной жизни появилась Амартия. Порождение ли она моего ума или гостья из иных миров, мне не дано знать. Но в одном я хочу уверить читателя, предупреждая его опасения. Я не потерял голову. Это не тот случай, когда старый греховодник подпадает под чары юной любовницы и исполняет все ее прихоти. И заслуга в этом не моя, а моей прищельцы. Именно по настоянию Амартии мне была отведена роль цензора и редактора, удерживающего ее от слишком резких высказываний и необдуманных суждений. Амартия оказалась скромнее, чем я мог предполагать, и за все время нашего счастливого общения не пыталась мне что-то доказывать или настаивать на своем, тем более – выходить за рамки литературного сотрудничества. И за это я хочу выразить ей в первых же строках книги свою благодарность.

«И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжело согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего, ибо крайне неразумно поступил я» (2 Царств 24:10).

«Недостатки и нагромождения были до нас, а мы можем сделать их только лучше» (из сочинения выпускника школы на ЕГЭ).

1.

Вряд ли на сей земле найдется кто-то, чаще побиваемый камнями, чем я. Разве что в те несчастные джамараты возле каабы, где от мусульман прячется шайтан, было брошено больше камней, чем в меня. Имя мое Порочность, хотя меня еще именуют Греховность, Неправедность, Безнравственность, Испорченность... Да мало ли имен придумает неразумная толпа для обозначения простой человечности! Сама я предпочитаю зваться звучным греческим именем Амартия по примеру того, как сестру мою Глупость величал Морией хитрый Эразм, не то действительно возвеличивая, не то посмеиваясь над ней. В последнем случае он не сильно преуспел, поскольку смеяться над глупостью может только глупец, и хотя вслед Эразму пришел век Разума и Просвещения, век этот оказался не долг и полон столь знатными глупостями и неразумием, что над ним затем вволю смеялась Клио. Надеюсь, меня ждет та же участь, и век, поставивший на пьедестал Добродетель, прославится еще большими пороками, чем добрые старые времена, и сойдет со сцены истории посрамленным и униженным предо мной.

Но что я слышу? Шелест страниц закрываемых книг и щелчки выключаемых гаджетов? Уже ли, не успев дать мне полслова для оправдания, благочестивая часть читающей публики посчитала опасным и до крайности неприятным даже поверхностное знакомство со мной, не говоря уже о диалоге и попытке вникнуть в строй моих мыслей и чувств? А ведь именно к ней обращено мое послание. Что толку убеждать тех, кто уже является моим почитателем? Как говорится, не здоровые имеют нужду в враче, но больные. Воистину, если бы мы вступили в состязание с Добродетелью, ее поклонники не смогли бы дать мне большей форы! Ибо Добродетель любит красоваться в нарядах терпимости, открытости ума, сочувствия и справедливости, а о каком из этих качеств может идти речь, если вы затыкаете род подсудимому? Наверное, этот род поборников нравственности вдохновляется образом Фемиды с повязкой на глазах и полагает найти высшую справедливость в слепоте. Их придется огорчить, признавшись, что сестра Слепота состоит не в ее, а в моей свите, и смысл неверно истолкованного ими образа Фемиды связан с безуспешной надеждой человечества на то, что с помощью этой малой сестры можно изгнать из судов большую и сильнейшую – Предвзятость. Достойные примеры такой рокировки, впрочем, есть, и они стали появляться все чаще. Мне особенно приятно вспоминать один случай, освещавшийся лет пять назад ведущими каналами СМИ в России. Произошел он то ли в Москве, то ли в Петербурге. Для желающих всегда смогу найти точную ссылку. Один судья осудил женщину за убийство собственного младенца. Трупик нашли в помойке и схватили преступницу по горячим следам. Через несколько месяцев, уже в тюрьме, она родила, доказав тем, к досаде своих обвинителей, что она биологически не могла ни родить найденного младенца, ни соответственно совершить приписываемого ей злодеяния. Тем не менее, отпускать женщину из

тюрьмы судья отказался. Факт в общем-то совсем не примечательный на общем фоне нынешнего российского судопроизводства. Примечательна аргументация этого достойного судьи, как он ее высказал в интервью. На вопрос, признает ли он свое решение неправомерным, служитель правосудия твердо сказал: нет. Я, мол, судил на основании законов и документов, которые имел на руках. Мне кажется, что сама Фемида, хоть она и статуя, должна была от такого ответа сдвинуть повязку с одного глаза, чтобы взглянуть на своего столь смышленного отпрыска. Итак, дорогие читатели, не будем спешить с приговором, чтобы нам не пришлось оказаться в роли такого судьи, записав людоедство в пажи Добродетели. Быть может, вы еще подружитесь со мной.

Тем же, кто не желает погружаться в хитросплетения юриспруденции, дабы обнаружить в них свидетельства моего присного торжества, я могу указать на другую область человеческого самовыражения – искусство. Далекое не единственному философу приходило в голову, что если бренный мир и имеет оправдание, то лишь на эстетических началах. Красота представляет собой ту непосредственную данность, к которой апеллировать гораздо законнее, чем к закону, да простят мне читатели неуклюжий каламбур. В ней отражается не абстрактно-эфемерная истина философов и фантазеров, а правда жизни, будь то жизнь уже осуществленная или та, которую мы непременно намерены воплотить. Так вот, скажите мне на милость, где в этой непосредственной данности, долженствующей оправдать мир, вы хоть раз встречали чистую добродетель, не приправленную доброй долей порока? Общеизвестное фиаско, которое потерпели величайшие литературные таланты от Сервантеса до Гоголя и Достоевского в изображении положительного героя – не приговор ли это моей противнице Добродетели? Скажу больше: писательская братия, вовремя сообразив, что без меня им не будет проку, разработала один прием, используемый ими столь широко, открыто и безыскусно, что, не будь в нем абсолютной жизненной необходимости, его сочли бы за самое надоедливое общее место в истории литературы. Они всегда выставляют героя сначала с отрицательной стороны, чтобы потом уравновесить, а то и совершенно затемнить ее спрятанной в нем добродетелью. Если же с героем по ходу действия происходит обратная метаморфоза, то перед нами, безусловно, отъявленный негодяй. Единственное достойное объяснение этого феномена «плохого хорошего человека» я вижу в том, что порочность составляет сердцевину добродетельности, а добродетель – сердцевину порока.

Здесь кто-то мог бы заподозрить меня в нравственном релятивизме – упрек весьма тяжкий по нынешним временам, но я его решительно отвергаю, поскольку никогда не путаю белое с черным. Нельзя ведь принимать пристрастие к серому за убежденность в том, что белое с черным хорошо сочетаются между собой. Ведь мы – об эстетическом оправдании мира, в котором черный костюм с белой рубашкой давно превратился в символ элегантности и добропорядочности. Впрочем, это касается только мужчин, недаром «плохой хороший человек» – обычно мужская роль. Женщинам выпадает зачастую играть сразу две роли – Одилии и Одетты, так что белое и черное, равным образом идущее им к лицу, разделяется во времени и пространстве, не теряя при этом смысловую выразительность цветового контраста. Ни один самый тупоголовый зритель не разглядит в исполнении одной балериной двух партий «Лебединого озера» проповедь нравственного релятивизма. Самое большее, что здесь можно увидеть – учение о гармонии добра и зла. Однако, признаюсь вам по секрету, я не сторонница этой лютеранской идеи.

В современном киноискусстве есть яркие, бесподобные образы, кладущие на лопатки всякого моралиста, посмеявшего возвысить свой голос против меня. Напомню лишь один фильм с непонятным названием, в котором фигурирует какое-то птичье гнездо. Действие там происходит в сумасшедшем доме, очень похожем на мир, в котором оказалась цивилизованная часть человечества после окончания мировых войн. У обитателей этого дома есть все, что им нужно: еда, покой, безобидные развлечения и, главное, сестра-воспитательница, заботящаяся о них, как о детях. И вдруг весь этот незамысловатый порядок разрушается, когда в доме оказывается уголовник, пытающийся посредством симуляции умственного расстройства выбраться на свободу. Все кончается плохо, но речь не об этом, а о той неотразимой очевидности, с которой в этом произведении силой искусства решается вечный вопрос о

том, что хорошо, а что плохо. Если кто-либо из моих хулителей будет способен дать вразумительный ответ, почему неприкрытый преступник, похабник, пьяница и скандалист оказывается единственным привлекательным человеком в этой компании, и почему его никчемная и позорная смерть несет в себе отблески поистине героического величия, этот ответ либо сделает его моим почитателем, либо даст ему право первому бросить в меня камень с моего же позволения. До сих пор со стороны моралистов мне доводилось слышать лишь общие рассуждения о пользе общественных установлений, опасности лиц с низкой социальной ответственностью и тому подобные бредни, имеющие самое отдаленное отношение к эстетическому существу вопроса. Кто-то говорит, что спор и аргументация вообще неуместны там, где речь идет о вкусах. Что ж, это последнее рассуждение мне представляется здравым. Хочу лишь заметить, что понятие безвкусицы самим своим существованием если и не опровергает его, то вносит важное дополнение. Есть масса людей с напрочь отбитым нравственным нюхом, но любящих больше всего спорить именно на нравственные темы. Толковать с ними имеет смысла не больше, чем услаждать глухого вариациями на тему рококо. Но есть и те, кто искренне симпатизирует главной героине фильма – той, что олицетворяет заботу государства о гражданах и одерживает победу над бунтарем. У меня с ними почему-то не ладится. Я чувствую себя в их компании старомодной, провинциальной и никчемной. Наверное, так чувствовал себя старина Воланд в сталинской Москве. Как бы то ни было, автору фильма его герой, очевидно, нравится, а сам фильм нравится большинству зрителей. Если они до сих пор не все в числе моих почитателей, я приписываю это чистому недоразумению, которое намереваюсь рассеять.

2.

Кем из вас не изведаны козни обманщика Протея? Если в прошлые века он скромно довольствовался обитанием в умозрениях диалектиков и заявлял о своем существовании в безобидной форме переходящего в противоположность единства и иных взаимопревращений категориальных пар, теперь он заполнил собой подмостки театров и все необозримое пространство массовой культуры. Оборотни и вампиры, неведомые землянам живые существа, выползающие из уст человека, демоны, заставляющие одержимых корчиться в муках и произносить заклинания на непонятных языках, оживающие палеонтологические останки, оказывающиеся совсем не тем, чем они поначалу казались, – весь это фейерверк пугающих образов неумолимо свидетельствует о том, что Протей крепко потеснил Аполлона в религиозных предпочтениях новой эпохи и стал чуть ли не единоличным и уж во всяком случае верховным покровителем современного искусства. Но заметьте при этом: стоит кому-нибудь заикнуться, что Амартия тоже может быть не тем, чем она кажется, как на него тут же накидывается целый рой возмущенных критиков с обвинениями чуть ли не в пропаганде насилия и экстремизма. Я долго думала над причинами такой дискриминации и пришла к выводу, что люди просто очень боятся заглянуть в себя. Это один из принципов жанра «хоррор» – на экране я хочу видеть то, что больше всего боюсь испытать в действительности.

Я заглядываю в зеркало. И иногда со мной происходит именно то, чего боятся люди и что тоже стало кинематографическим клише: черты лица искажаются, и из зеркала на героя смотрит его альтерэго – мистер Хайд или Боб, блуждающий злой гений Линча. Так и я, смотрясь в зеркало, вдруг с ужасом открываю в себе другую. И узнаю ее. Это она, моя противница, старшая сестра, возмнившая себя моей матерью. Ее тайное имя никому неизвестно, но вы зовете ее Добродетелью, Праведностью или Порядочностью. А по мне – так она просто ханжа. Когда я случайно захожу в ее владения, то, поняв, где я, ухожу на цыпочках, приподняв края платья, чтоб не оскверниться прикосновением к ее земле. За что я ненавижу ее? Да за то же, за что Авель должен был ненавидеть Каина, если бы не был так добр. За то, что она человекоубийца. «Добрыми намерениями устлана дорога в ад», – говорят вы. Слабо сказано. Дорога туда устлана благими деяниями. Неужели вам не хватило Евангелия, чтобы понять это? Или вы вправду думаете, что те, кто ломал и истязал людей в подвалах инквизиции или в

застенках НКВД, были сплошь садистами или ворами и лихоимцами? Нет, среди них было множество честных служителей моей сестрички, веривших, что они делают благое дело, как и те, кто отдавал на казнь Христа. «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин.11.50)... Они почти не изменились с тех пор. Может быть, моя ненависть происходит от того, что я в душе христианка?

Полюбите меня, как и я полюбила вас. За что вы не любите меня? А я скажу вам: за то, что меня оклеветали. И вы можете догадаться кто. Вбили в головы, что стоит завести со мной добрые отношения, и в мире начнется вражда всех против всех, борьба за выживание, не сдержанная никакими преградами. Что за откровенная чушь! Вы что, слышали когда-нибудь, чтобы я призывала к убийству? Я слишком хорошо знаю цену таким призывам и потому не призываю даже наказывать никого. Ну а наказание за убийство вам самим прекрасно известно: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро (Быт.4.15). Или вы думаете, что это относится не к вам, а к какой-то другой вымершей людской расе? Должна вас разочаровать – вы все потомки Каина, хоть и разбавленной крови. Вас, видимо, дезориентирует правило «око за око». Так ведь оно было дано на заре нравственного развития, чтобы не напугать вас сразу мерой ответственности. Почему, вы думаете, Иоанну в видении страшный Судия явился с семью очами (Откр.5.6)? Чтобы напомнить вам правило каиновой печати: за око – семь очей. Почему, христиане, ваш Учитель призвал вас прощать семижды семьдесят раз? Чтобы отвести от вас клятву Ламеха: «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт.4.24). Слишком легко вы примериваете на себя роль и участь бандитов. Как мне нравится это, когда перед причастием ваше овечьё стадо хором подхватывает: «яко разбойник исповедую Тя!» Хотите в разбойники? Попробуйте сначала повисеть на кресте. После него гулять со Христом по росе, как поется в одной незамысловатой песне, вы не сможете. Потому что вам перебыют голени, как тому разбойнику, которого Христос на своих руках отнес в Небесное Царство. А что уж говорить о неправедных судьях или о тех, кто хищничает, прикрываясь законной властью! Бойтесь обижать человек, ибо страшен в ярости высший Судия! Это говорю вам я, Амартия.

3.

Мне нравятся христиане. Больше всего за то, как они распорядились своим наследием. Их Писание, изложившее еврейскую историю греческим языком, вполне отражает двойственную природу создаваемой ими культуры. Об этой двойственности постоянно твердит и самый плодовитый из их писателей, будучи сам, его же словами, «во-первых Иудей, потом и Еллин» (Рим.2.9). От тех, и от других христиане умудрились взять худшее. Не скажу только худшее, взято и другое, но оно меня, как вы понимаете, меньше интересует, ибо в нем нет моей части, славы и заслуги.

Что роднит две материнские культуры христианства при всем их различии, так это печать глубокого пессимизма. С «мировой скорбью», написанной на лице каждого порядочного еврея, знакомы все не понаслышке. Расслышать заглушающую все остальные обертоны минорность еврейского псалма тоже не представляет труда. А вот докопаться до пессимизма как корня эллинской культуры – доля избранных, музыкально одаренных натур, таких как Ницше. Когда эллинизм и еврейство встретились наконец, из глубины искушенной еврейской души прозвучало великое: «Суета сует, все – суета!» (Еккл.12.8). Я люблю эту песню. Не могу отказать в прозорливости тем полудиким христианам-отшельникам (на Востоке их до сих пор принято называть святыми отцами), которые несколько неожиданно для своего культурного происхождения поставили печаль и уныние в число возвышенных проявлений порока. Справились ли они сами с этим недугом? Судя по всему, иногда у них это получалось, но совсем не за счет того стремления к бесстрастию, в котором видел спасение просвещенный эллин, а за счет вполне себе варварского утопления печали в экстазе. Послушайте сами признания некоторых из них:

«Есть два вида исступления в духе: один сердечный, а другой восхитительный. Первый свойствен еще только просвещаемым, а другой – совершенным в любви. Оба же ставят ум, в коем действуют, вне чувства (или сознания внешних отношений): так как божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений» (Григорий Синаит – Добротолюбие. 5.12.59).

«Как человек, который пьет вино в день плача, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией, в сем мире, т.е., в доме рыдания, забывает все свои труды и печали, и по причине своего упоения делается бесчувственным, ...душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого парит он своими помыслами и наслаждается бессмертием у Всевышнего» (Исаак Сирий – Добротолюбие. 2. 42.129).

«От видимых наслаждений в мире займем образы, чтобы этими подобиями отчасти показать, как благодать действует в душах таких. Иногда бывают они веселы, ...иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упоеваемые Духом. <...> В иное же время свет сей, явившись в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, почему человек, всецело поглощенный такой сладостью и таким созерцанием, не владел уже собой, но был для мира сего как бы буим и варваром, по причине избыточной любви и сладости...» (Макарий Великий. – Добротолюбие. 1.13. 83-89)

Для чего, как вы думаете, Павел, предостерегая своих последователей от чрезмерного употребления вина, советует им вместо этого исполняться Духом? (Еф.5.18) Да потому что это почти одно и то же, судя по приведенным отрывкам. Да и какие в этом могут быть сомнения, если «самая историческая» книга Завета дает тому недвусмысленное свидетельство: «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках <...> И изумлялись все и недоумевая говорили друг другу: что это значит? А иные насмехаясь говорили: они напились сладкого вина» (Деян.2.1-15). Петр, заметьте, не отрицал, что все выглядит именно так: «Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня». Тоже мне аргумент! Давайте не забывать, наконец, что первое чудо, которое совершил Мессия, придя на землю, было вовсе не исцеление слепых и хромых, как думают некоторые, а дарование простолоудинам вина, коего не хватило им, чтобы хорошенько погулять на свадьбе. Тех, кто видит в этом факте лишь случайность и отказывается видеть символический смысл, я приглашаю стать членами клуба казуистики, созданного под моим патронажем. Там они вволю смогут поупражняться в своем искусстве.

Не хочу сильно хвалить наш век, но подобных безобразий в нем все-таки стало значительно меньше. Сегодняшний христианин, как правило, трезв как стекло. Боюсь прослыть материалисткой, но смею предположить, что большую роль в духовном отрезвлении общества сыграло отрезвление физическое. Надеюсь, навсегда ушли в прошлое те ужасные времена, в которые только и могла появиться поговорка «пьян как богослов». Это тогда святой Франциск приравнивал к назидательной проповеди появление в городе двух трезвых монахов. Первая попытка отрезвить общество в начале прошлого века с треском провалилась. В частности, потому что некоторые нечестивцы вроде Г.К. Честертона додумались до того, что в борьбе ирландцев за право крепко выпить увидели чуть ли не исповедание христианства. В следующий раз, уверена, все получится. Тем более что христиане все активнее включаются в эту работу: создают общества трезвости, пропагандируют здоровый образ жизни, борются с юродством и нищетой (в том числе духовной), поднимают на пьедестал имидж успешного человека. А можно ли быть успешным, если ты пьешь или «веселишься в Духе»?

Но я отвлеклась. Одурманивание вином и религиозными предрассудками – отнюдь не единственный путь к экстазу. Коль скоро мы примем, что экстаз есть всякое самозабвение и потеря Я с погружением в Первоединое, к нему ведут и мистицизм, и оккультные практики, и половое соитие, и пограничные состояния, вызванные опасностью смерти, и творческие порывы, да мало ли что еще. Но

везде и всегда под покровом того могущества, которое зовет человека к экстазу и которое называют похотью смерти, но которое по сути очень трудно отличить от похоти жизни (ибо что есть несогласие со скоротечностью и несовершенством бытия, как не желание бытия вечного и совершенного?), везде и всегда, повторяю, за ней светится лик Диониса.

Если бы христиане были достаточно умны, они поняли бы, что культ Диониса – самое ценное, что подарили им эллины. Вместо этого они испугались и постарались от него поскорее избавиться, полагая, что погибающий, рассекаемый на куски и воскресающий бог слишком напоминает Христа и ставит тем самым под сомнение документальность рассказанной апостолами истории. Теперь, конечно, можно только гадать, каким был бы христианский мир, если бы александрийские богословы объявили детоводителем эллинов ко Христу не философию Платона и Аристотеля, а мистерии Диониса и Орфея. Можно лишь предположить, что в нем слабее было бы господство техники – этого кукушкина дитя в гнезде схоластики, и больше было бы всего того артистического, мистического и романтического, о нехватке которого тщетно стонет теперь выхолощенная позитивизмом культура. Только немцы в силу особенностей их духовного склада поняли наконец (и заразили потом этим пониманием русских), что грекам единственным в дохристианской и внехристианской культуре удалось укротить, сублимировать и рафинировать ту неукротимую природную ярость становления-самоуничтожения, которая составляет главную загадку Бога и лучшую часть меня. Они создали из вакханалии трагедию и чуть не дотянулись ею до той глубины богочеловеческой тайны, которую Балтазар назвал Теодрамой.

Самозабвение, безмерность, общность vs самопознание, мера, единичность. В таких категориях предстает перед нами противостояние двух богов, положивших основание греческой культуре – Диониса и Аполлона. В таких координатах нам явственнее становится и борьба двух начал христианской культуры – эллинизма и гебраизма. Евреи не любят дионисийство. Их духовный склад отчетливо тяготеет к аполлоническому началу. Русский софиолог Владимир Соловьев приписывал эту особенность «крайнему развитию самочувствия, самосознания и самодеятельности», в силу которых «как весь Израиль, так и каждая семья в нем, и каждый член этой семьи до глубины души и до мозга костей проникнуты чувством и сознанием своего национального, семейного и личного Я». Какое уж тут дионисийство! Да и могло ли быть иначе в перспективе их особой религиозной миссии? Богоизбранность и Всеединство – эти две вещи несовместны.

Чего можно было бы избежать с их стороны, так это неутомимых стараний перевоспитать человечество на аполлонический манер, привив отвращение к дионисийству. Даже те из них, кто вырывался из лона своей культуры в христианство, с трудом преодолевал это врожденное отвращение, что выказывается то тут, то там в несправедливости суждений об этом предмете, контрастирующей с обычной аккуратностью мысли. «Расчеловечение людей» vs «очеловечение богов» – в таком виде предстает оппозиция «Дионис – Аполлон» в рассуждениях Александра Меня. А как же еще один вариант – обожения человека – тот самый, о котором жужжит антропология христианства, и который, пусть в проблесках, но все же трудно не заметить в дионисийстве? Читаем дальше: «Все, что видит, слышит, осязает и обоняет человек, – проявления Диониса. Он разлит повсюду. Запах бойни и сонного пруда, ледяные ветры и обессиливающий зной, нежные цветы и отвратительный паук – во всем заключено божественное. Разум не может смириться с этим, он осуждает и одобряет, сортирует и выбирает. Но чего стоят его суждения, когда “священное безумие Вакха”, вызванное опьяняющим танцем под голубым небом или ночью при свете звезд и огней, примиряет со всем! Исчезает различие между жизнью и смертью...» (Мень А. История религии). Поэтически безусловно, но все же больше похоже на описание пантеизма. Бог, разлитый в природе – вот вам и весь Дионис! А как же тема страдающего бога, тема Прометея, блоковская Прекрасная Дама с *in vino veritas* наконец? Куда только девается диалектический и экзегетический дар богослова, знакомого с премудростями ешивы, как только речь заходит о запрещенном для еврея слиянии с природой! Каким плоским предстает перед нами то, что составляет глубинный и тончайший нерв эллинской, а за ним и европейской культуры! Не в этом ли причина того, что при чрезвычайном интеллектуальном развитии и при всех ее возросших

возможностях еврейская среда так и не смогла породить художественных произведений, дотягивающих до средних вершин античной и христианской классики? И чего стоит растиражированная христианская аскеза с ее «опьяняющими устремлениями духа» и приступами неудержимой веселости в сравнении с этой необъявленной пожизненной аскезой безостановочно осуждающего и одобряющего, «сортирующего и выбирающего» ума, блуждающего в пустынных пространствах между недостижимым Богом и недостойной Его присутствия природой?

Кто считает, что мне несвойственна аполлоническая строгость и умение отсортировать чистое от нечистого, запах бойни от благоуханий фимиама и нежные цветы от отвратительных пауков, тот обижает Амартию. Уж в чем-чем, а в неразборчивости и нечистоплотности меня не обвинить! Мне чистота нравов доставляет удовольствие не меньше, чем тем аристократам, что никогда не пороли холопов собственноручно из чувства брезгливости. Случалось, конечно, по молодости всякое, так что и сегодня я краснею от воспоминаний, но что же плохого в том, чтобы все попробовать? Даже Павел советовал это фессалоникийцам (1 Фес.5.21). Да и сами подумайте, если ваши ученые объявляют главным психологическим недугом современности нарциссизм, возможно было бы это без усердного служения всего вашего общества Аполлону? Ведь это он, Лучезарный, заразил юношей стремлением к совершенству, самолюбованием и презрением к темной толпе.

Нет бы взять у греков дионисизм, да скрестить его с еврейским эгоцентризмом. Мир мог бы получить в свое оправдание (коль скоро мы оправдываем его на эстетических началах) новый и неслыханный эталон красоты и восславил бы за него христианство. Наверное, это был бы тот человек, которого искал и не нашел Диоген. Но христиане поступили иначе, и – касательно мужской красоты – ограничились тем, что переименовали Аполлона в Давида, а Геракла в Самсона, а касательно женской – просто разрушили алтари Афродиты и запретили думать о женщине иначе, чем в категориях материнства. Вместо Диониса они взяли у греков иссушающий рационализм Аристотеля, добавив к нему платонический дуализм плоти и духа, нечто еще более противное еврейскому сознанию, чем пантеизм. Поставив себя в непримиримую оппозицию наследию Ветхого Завета этим дуализмом (а также проектом догматизации веры), христиане даже не попытались сгладить противоречия средствами, которые для этого были и в той, и в другой культуре. В результате они отравили платонизмом то лучшее, что было в еврейской религии, – благоговейное отношение к человеческому телу, бывшее предвестием откровения о воплотившемся Боге и могущее послужить заменителем дионисийства. Вместо него в плавильный котел христианской культуры попал иудейский Закон, который и произвел в ней со временем великие и непоправимые следствия.

4.

В том, что Павел проповедует о грехе и законе, разобраться решительно невозможно. Если, конечно, мы не богословы, способные, как метко заметил Эразм, выскользнуть из любой словесной западни, сообщить пристойное толкование любой нелепице и в этом своем умении заткнуть за пояс не только философов любых направлений, но и боголюбезных апостолов. Когда я читаю, что грех не от закона, но без закона он мертв (Рим.7.8-9), я пытаюсь мысленно представить эту конфигурацию, и делаю вывод, что Грех попадает в зависимость от Закона не как сын от отца, а каким-то иным и довольно загадочным образом, причем значительно позже того, как он появился на свет от деяний Адама и Евы. От Закона он, видимо, много чему научился в период своего возмужания, подобно тому, как молодой сорванец учится у бывалого дядьки. Так примерно и объясняет Павел, что, мол, грех через исполнение заповедей стал «крайне грешен» (Рим.7.13). Меня, как вы понимаете, вся эта история задевает лично, и я начинаю волноваться, честна ли была моя родительница, рассказывая мне о моем происхождении, и вправду ли я законная дочь Греха или же незаконная дочь Закона. О родительнице же моей, которую зовут Смерть, Павел говорит, что она «вошла в мир грехом» (Рим.5.12). Он,

наверное, хотел сказать «с грехом», ибо родители мои обручились еще до изгнания из рая. Правда, некоторые весьма авторитетные богословы – назову лишь Златоуста – читали это предложение так, что грех оказывался порождением смерти, а не наоборот, как обычно думают. Скорее всего, под грехом они здесь имели в виду греховность, то есть меня. Тогда все встает на свои места.

Что мне действительно нравится в рассуждениях Павла, так это то место, где он говорит, что когда умножился грех, стала изобиловать благодать (Рим.5.20). Вот ровно то, что я пытаюсь вам втолковать. Правда затем он начинает сравнивать меня с противницей – а я этого не люблю – и советует вам уходить от меня, чтобы стать ее рабами (Рим.6.18). Не думаю, что это хороший совет для освобожденных из-под власти закона. Возможно, здесь опять имеет место филологическая загвоздка, и под Праведностью он, возможно, имеет в виду не мою сестрицу ханжу, а ту чужестранку, которую христиане зовут Святостью. Но тогда совет еще более странный, ведь, насколько я слышала, в ее стране давно отменили рабство.

Как бы то ни было, под закон христиане все равно снова попали, особенно те, кого увлекли в галатову ересь Кальвин и пуритане. О бессмысленные галаты – с запозданием взывал Павел, – зачем же вы подверглись опять игу рабства! (Гал.3.1; 5.1) И спустя тысячу лет первый русский митрополит говорил о том же в Слове о законе и благодати. Но так вождельно рабство для человека, что ни сорок лет скитания по Синайской пустыне, ни полувековой Вавилонский плен, ни власть Рима не вытравляли мечту о рабстве из предков Павла, а разрушение Храма и рассеяние – из его потомков. Чего уж говорить о других народах. Одни из них получили царя, другие папу, а третьи, наиболее ревностные в вере, – слегка подновленный Моисеев закон, не столь многогранный, но с лихвой компенсирующий свою простоту лучшей организацией подчинения.

Примите мои соболезнования. Вы попали в западню, из которой вам без меня не выбраться. Объясняю на пальцах. Всякий желающий жить по правде ищет правду в себе или вне себя. Третьего здесь, по логике, не дано. Можно, конечно, пускаться в размышления о том, *что* есть Я, и число этих Я со времен Юма уже выросло с двух до четырех, но мы не будем здесь умножать сущности, поскольку какими бы якими они ни были, все они все равно Я. Жить по своей правде – значит находиться в конфликте со своими желаниями. Об этом Павел тоже подробно написал. Иначе понятий внутренней правды, совести, автономии просто не существовало бы, а мы называли бы все это своеволием. Когда Павел говорит, что не знал бы и пожелания, если бы закон говорил: «не пожелай» (Рим.7.7), он – именно об этом, о том, что правда становится известной мне через трение о желание. Может ли эта моя упрямая правда, отец которой – война с желанием, входить в конфликт и с той правдой, которую общество предлагает мне в виде закона, обычая, правила или нормы? Вопрос, собственно говоря, риторический. Мне ли, христиане, напоминать вам слова вашего же Учителя: «Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин.15.20), «блаженны изгнанные за правду» (Мф.5.10) и т.д.? Даже авторы самых завиральных политических утопий не решались рисовать общество, в котором личность входит в гармоничное отношение с обществом без предварительных напряжений в виде ли дарвиновской борьбы за улучшение породы или диктатуры пролетариата. Один из них почти устоял в своем помешательстве на теории естественной гармонии, но все же вынужден был для правдоподобия ввести в свой опус персонажа, спавшего на гвоздях ради грядущей борьбы за правду.

Не только первые христиане, но и греческие мудрецы, поклонявшиеся Аполлону, бывшие много старше их, утверждали, что большинство всегда не право. И если Сократ называл себя оводом, не дающим покоя афинянам, то как же назвать еврейских пророков, жаливших свой народ на протяжении всей истории до Христа? Это были настоящие шершни, не гнушавшиеся и тем, чтобы уничтожить противника не только словом, как Сократ, но и делом. И даже они были чаще всего гонимы своим богоизбранным народом, хоть тот и пребывал в послушании закону, данному не человеком, а Богом.

И вот, после того, как христиане учинили в этом народе роковой раскол, те, кто остался верен традициям предков, изобрели особый путь решения злополучного вопроса двух правд. Впрочем, этот путь уже был намечен и опробован в их традиции, а с указанного времени стал лишь официально признан в качестве верховного права. Они постановили, что внешняя правда имеет более высокий нравственный статус, чем правда внутренняя. При этом, дабы устранить всякие недомолвки и кривотолки, они довели некоторые установления Моисея сознательно до абсурда, чтобы не возникало желания у некоторых правдолюбивых особ сверять эту высшую общинную правду с личным представлением о должном. Так повеление Моисея не варить козленка в молоке матери (Исх.23.19) превратилось в кошерные установления, запрещающие между прочим есть курицу в сметане, невзирая на то, что курица не относится к млекопитающим. Надо заметить, что догадавшись о гениальности этого решения, иезуиты пытались потом сделать что-то подобное, когда, к примеру, заставляли учеников поливать воткнутую в песок трость, дабы она расцвела, как жезл Аарона. И на Востоке в некоторых монастырях была практика для послушников сажать рассаду корешком вверх, «ибо послушание выше молитвы».

И настало приволье! Коль скоро разросшийся свод закона соблюсти невозможно и «делами закона не оправдается никакая плоть» (Рим.3.20), потребны какие-то другие критерии принадлежности избранному народу, кроме соблюдения. Для христиан, по определению Павла, таким критерием должно было стать следование внутренней правде: «Тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим.2.28). Евреи остались верны букве и внешнему обрезанию, развив утонченнейшую систему разного рода уловок и послаблений, смягчающих ношение «неудобоносимых бремен» (Мф.23.4), а также оградив соплеменников от суровости наказаний столь же утонченным институтом юридической защиты. В принципе, еврея нельзя отлучить от общины. Заблудший еврей все равно еврей, если он только не стал христианином или не принял ислам. Надо сказать, что этот в высшей степени гуманный и мудрый подход к человеческой слабости, всячески приветствуемый мною, закрепился и в наиболее консервативных ветвях христианства, практикующих крещение детей. Когда митрополит Антоний Вадковский убеждал родственников Льва Толстого не огорчаться по поводу его отлучения, он прямо говорил им, что любое отлучение есть мера временная и воспитательная, а принадлежность крещеного Церкви никаким священнодействием не может быть отменена. Это вам не кальвинизм, где каждый истинно верующий трясется всю жизнь как мыш, не будучи уверен, что предопределен к спасению, и шарахается от меня как от чумной, зная, что заподозренный в связи со мною подлежит незамедлительному извержению из общества святых. Как заметил один выдающийся ученый, досконально изучавший кальвинизм, на место Павлова «сначала закон – потом благодать», Кальвин предложил новую формулу: «Закон – Благодать – и снова Закон», только теперь закон сугубый: и внутренний, и внешний.

Попробуйте отнять у правоверного иудея его 613 предписаний и предложить ему вместо этого неограниченную свободу. Он будет сражаться за свои запреты, как мученик за право умереть, как затворник за право не выходить из своей кельи, как жених за свою возлюбленную! Вы думаете, когда евреи поют и пляшут на празднестве прославления Тора и одевают ее в нарядные платья, они делают это из любви к традиции? Нет, они делают это из любви к Торе. Потому что Тора подарила им блаженство покоя совести, а покой совести и есть высшая положительная свобода. Я люблю бывать на этих пиршествах духа и плоти, хотя и не вхожу в круг почетных гостей. Там царит какая-то особенно дружелюбная и непринужденная атмосфера. Поистине это блистательное пиршество, которому можно было бы предаваться всю жизнь, если бы при дверях не лежал неотступный Лазарь.

По поводу Лазаря, я думаю, что христианский Учитель совсем не случайно дал нищему из притчи имя своего друга, которого воскресил. Иоанн – тот, что писал совсем странные вещи – прибавляет к этой истории, что первосвященники сговорились убить Лазаря по воскресении, дабы за Иисусом не пошло больше народу (Ин.12.10). Как можно такое придумать! Я бы не стала рассказывать об этом, даже если бы это было правдой. Какое-то особое по жуткости преступление! Вспоминается Смердяков,

дававший собаке на ниточке мясо, а потом вытаскивавший его из желудка. Недаром из четырех евангелистов иудеи не любят Иоанна больше всего. Впрочем, здесь есть символический смысл, на который хорошо было бы обратить внимание, прежде всего, христианам. Где ваши нищие, христиане? За последние несколько десятилетий вы так хорошо почистили от них ваши города, что скоро дети ваши будут узнавать, как выглядят нищие, по картинкам (не помещать же их в зоопарки). Это называется хорошо организованная социальная помощь. В некоторых странах, считающих себя наиболее христианскими, были случаи, когда за милостыню нищим отдавали под суд, потому что это нарушение порядка. То есть тот самый слой презираемых людей, которых Учитель ваш поднял на небывалую высоту, сделав чуть ли не образцом для подражания («не заботьтесь о завтрашнем дне...» – Мф.5.34), вы либо уморили, либо перевоспитали (что в принципе одно и то же). Так это и есть убийство воскресенного Лазаря.

Но я отвлеклась. Какое отношение к Моисееву Закону, к тяготам и радостям его имеете вы, необрезанные? Вам что, тоже дано было обетование? Зачем вы носитесь с десятью заповедями и зачем священники ваши навесили их на вас? Даже евреи, понимающие в законах в сто раз больше, чем ваши пастыри, не предполагают требовать этого, но придумали для вас еще в XII веке кодекс Ноя. Или вы думаете, что исполните слова Учителя вашего «ни одна черта не пройдет из закона», если будете соблюдать весь закон? Тогда читайте в том же духе и дальше: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5.18-20). Исполняйте же целиком мицву! Придумайте себе еще одну заповедь, пусть их у вас будет 614, чтобы в точности исполнить новозаветный наказ. Или все-таки Новый Завет открывает вам какое-то иное решение? Не то ли, о котором толкует Павел евреям, увещевая их почитать веру выше закона, ибо верою угождали Богу их предки от Авеля до последних пророков (Евр.11.4-32) и «праведный верою жив будет» (Евр.10.38)? Еллинам же он прямо говорит: «если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом» (Рим.4.2).

Так чем же угодил Богу Авраам? Не тем ли, что, не имея еще закона Моисеева, исполнил так называемый естественный закон, которым жили язычники? Мне сдается, что как раз наоборот, а именно нарушением всяких норм естественной морали, начиная с исхода из дома отца (читай: разрыва с традицией предков) и торговли женой (Быт.12.11-16), а заканчивая покушением на убийство любимого сына. И, зная все это, Павел призывает необрезанных вести свое духовное родство от Авраама, говоря: «Итак верующие благословляются с верным Авраамом, а все утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою... А что законом никто не оправдается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет» (Гал.3.7-11). А если кто сомневается, может ли вести свое родство от Авраама, не будучи кровным его потомком, тому напомню слова Крестителя, сказанные на Иордане евреям: «И не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф.3.9).

Так что? Думаете ли вы еще, что дружба со мной есть вражда против Бога? Перечитайте Писание. Я была свидетельницей одной дивной сцены в кошерном американском маркете. Почтенный хасид, выбиравший виноград и поднимавший ягоды к свету своими столь же прозрачными, как виноград, пальцами, вдруг спросил сопровождавшего его ученика (потом тот стал профессором религиоведом): ты знаешь, за что распяли Иисуса? И окинув зорким взглядом опешившего юношу, сам ответил: за то, что он слишком много рассказал.

Вы же, христиане, так мало поняли из сказанного им! Вспомните притчу о мытаре и фарисее (Лк.18.9-14), о неверном домоправителе (Лк.16.1-9), вспомните слова о мытарях и блудницах, идущих первыми в Царство Небесное (Мф.21.31), и покайтесь в своем неразумии. Иначе настанет время, когда вы будете бежать за мной и хвататься за мою одежду, но не сможете удержать меня.

5.

На всех деяниях современности лежат соломонова и кальвинова печати – печати законничества, понятого и исполненного либо с премудростью Иосифа и Соломона, либо с остервенением пуританизма. Это положение дел сложилось надолго, пока будет держать господство над миром та цитадель кальвинизма, что возникла из разрозненных общин изгнанных из Европы пуритан и дала самую логикой их государственного строительства широчайшие за всю историю новой эры политические права маленькой, но могучей кучке верноподданных Моисея. Неудачная попытка немцев взбодрить дряхлеющую Европу и вдохнуть в нее прежний дух романтизма окончилась преступлением и только укрепила счастливый заокеанский альянс. И стал закон богом новой цивилизации. И пошли ободренные успехом галаты проповедовать его по всему свету, кому под знаком креста, кому во имя Авраама и Ноя, кому под обагренным французской кровью знаменем свободы, равенства, братства. И вот закон вступил в права. И это уже не та история юности человечества, когда закон, по словам Павла, был детоводителем ко Христу (Гал.3.24). Это уже другая, взрослая история.

Здесь надо бы сделать небольшое отступление о кальвинизме. По моему разумению, эта самая взрослая из христианских конфессий. Не потому, что она раньше появилась, дело было наоборот, а потому что она обращена к взрослому человеку и говорит с ним на языке ответственности. Христианин должен знать, говорит она, что Христос был распят один раз за каждого человека, предопределенного к спасению. А предопределены не все. Из этого следует, во-первых, хорошая новость: то, что есть люди, с которыми можно обращаться как с рабами (негры) или истреблять (индейцы). Но есть и плохая: если ты принял Христа, а это может случиться, только если Христос искупил тебя своей кровью, то есть уже один раз был распят за тебя, то ты не можешь грешить. Согрешив, ты исключаяешься из общины спасения, а вместе с тем и из Книги жизни. Поэтому духовная жизнь правильного кальвиниста состоит в неустанной борьбе с грехом ради поддержания той чистоты, которая дарована была ему в крещении. Отсюда и название наиболее мощного движения, возникшего в русле учения Кальвина, – пуритане. Один протестантский теолог, сравнивая кальвинизм с восточным православием, назвал первое религией, обращенной в прошлое, а второе – религией, обращенной в будущее. Первая зиждется на идее свершившегося спасения, вторая – на идее продолжающегося обожения. Для первой важен правильный фундамент – отсюда такое внимание к авторитету источников. Для второй важны ориентиры – отсюда упор на развитие чуткости, помогающей различать духов (1 Кор.12.10), и некоторая излишняя по западным меркам вольность.

Нет ничего в христианской культуре более противоположного друг другу по духу, чем восточная церковь и кальвинизм. Я говорю восточная, потому что недолюбиваю слово православие. Во-первых, от него пахнет мой сестрицей ханжой, во-вторых, все уже поменялось в этом мире, и ветви христианского дерева давно пора бы переименовать. Настоящую ортодоксальность со всеми ее прелестями и непробиваемостью вы найдете сегодня вовсе не в восточной, а как раз в реформатской церкви, то есть у кальвинистов. Недаром понятие фундаментализма появилось у них как реакция на издержки ортодоксальности. Реформатами надо назвать скорее римских католиков: так быстро сегодня не реформируется никто. А за восточной церковью было бы законно закрепить название кафедральной (по-русски, соборной). И дело не в географическом ее распространении, а в том другом значении этого слова, что связано со всеобщностью и общедоступностью. Ни одна другая церковь не позволит вам так легко приобщиться крови Христа.

Для того, чтобы описать различие двух конфессий, достаточно сказать одну фразу. Остальное можно додумать, логически выведя из нее. Реформатская община – это церковь святых, восточная община – церковь кающихся грешников. Но велики отличия реформатов и от других конфессий протестантизма. Так, лютеране стараются во всем удержать параллелизм церкви и мира и поэтому полагают, что чем меньше у церкви власти, тем лучше. Это они провозгласили лозунг «чья власть, того и вера», чем,

кстати, очень понравились российским самодержцам. Именно поэтому немцы получили в России после Петра столь значительные привилегии. Кальвинисты, напротив, решили, что чем больше власти, тем лучше. Их лозунг «Христос реформирует мир». С этим лозунгом они ринулись в политику и создали один из самых мощных аппаратов лоббирования, идеологической манипуляции и контроля за своими адептами. Иезуитство появилось уже как ответ на этот новый вызов. В нашумевшем издании Майкла Уолцера «Революция святых» проводится мысль, что именно кальвинизм, а вовсе не коммунизм должен считаться родоначальником политического радикализма и тоталитаризма. Советую почитать эту книгу. На русском вы, правда, ее не найдете. После короткого бума времен перестройки наиболее важные книги больше не переводятся на русский. Зачем переводить книги на язык малозначащей в культурном отношении страны?

Так вот, Уолцер связывает склонность кальвинизма к тоталитаризму с идеей равенства святых. Взявшись за упразднение старого иерархического миропорядка, религиозные реформаторы стали последовательно уничтожать все посредствующие звенья между общиной верных и Верховным Правителем, перенеся потом эту модель религиозных отношений в политику. Я с автором во многом согласна, хотя считаю, что корень кальвинистских извращений надо искать поглубже. Главная проблема кальвинистов, по моему разумению, состоит в том, что они пытаются быть слишком взрослыми, а Христос призывал быть как дети.

Раз уж я взялась за критику религиозных идей, не мешает исправить одно искажение исторической перспективы, вышедшее из семинарий и получившее благодаря гомилетике широкое распространение среди христиан. Вы почему-то думаете, что самое большое изменение с человеком произошло в раю, и после этого он почти не менялся. На самом деле, прародители вышли из рая почти такими же, какими они вышли из рук Творца, и действие семени раздора с Богом развивалось в них постепенно, причем с нарастающей силой. Вы ведь помните пример с шахматами и зернышком пшеницы, рисующий красочным образом силу геометрической прогрессии. Теперь наложите его на нравственную историю человечества, и тогда вы, возможно, поверите, если я вам с уверенностью скажу, что за пару последних поколений человечество изменилось сильнее, чем за триста предыдущих. Если же вы не верите мне, почитайте художественную литературу.

Меня несколько радует тот факт, что цитируемость антиутопии Оруэлла взлетела за последние годы на небывалую высоту. Ибо, если люди начали прозревать, не все окончательно потеряно. Читайте, мои дорогие, торопитесь сложить в своей душе то, что, возможно, уже скоро вам не доведется больше читать. Пусть потом забудется все, чему вас учили, и останется лишь один образ того министерства Правды, что занималось переписыванием старых газет. И одним этим образом вы спасетесь. Ибо то, что мир сошел с ума, все давно уже знают, и об этом скучно говорить. Главное – знать и помнить, что так было не всегда. Знать, что было время, когда все было тем, чем оно называлось. Стражники охраняли, а не запугивали граждан, пожарники тушили пожары, а не взымали штрафы, врачи лечили, а не выдавали справки, банки хранили деньги, а не шпионили за людьми, ученые изучали мир, а учителя учили вместо того, чтобы заполнять груды никому не нужных бумаг.

Когда вездесущие дроны проникнут в ваши кабинеты и спальни, цифровой ошейник охватит вашу шею, а датчики вопьются в ваш мозг, чтобы Большой Брат знал не только каждое ваше действие, но и каждую вашу мысль, знайте и помните, что когда-то у людей была частная жизнь и она считалась неприкосновенной.

Когда для того, чтобы прильнуть губами к любимому человеку вам нужно будет получить справку с полным описанием микрофлоры вашего кишечника и грибковых заболеваний кожи, а иначе вас ждет принудительное обследование и штраф, знайте и помните, что когда-то люди сходились и расходились, влюблялись и сходили с ума от любви, отдавались порывам любви там, где заставляла их страсть, ни у кого не спрашивая согласия и никого не ставя в известность.

Когда исчезнет наличный расчет и вам заблокируют счет за перевод денег другу, который вы сможете обосновать не иначе чем беспомощным лепетом о помощи в беде, знайте и помните, что раньше банки не разглашали информацию о денежных делах своих клиентов и хранили тайну вклада свято, как тайну исповеди.

Когда за смерть человека в своей постели домашних будут лишать имущества и наследства, знайте и помните, что раньше у человека была привилегия выбирать, где умирать: дома или в больнице.

Когда вам запретят видеть ваших детей за то, что на предыдущем свидании вы допустили непolitкорректное высказывание, знайте и помните, что когда-то детей разрешалось воспитывать дома.

И когда вашим детям от детсада до университета включительно будут внушать, что они живут в лучшем и счастливейшем обществе, скажите им, что это неправда и что человечество еще никогда не находилось в такой беде. Пусть даже за это вы никогда больше не увидите их.

Мне мало дела до ваших пропагандистов, внушающих вам незыблемость ваших общественных ценностей – тех ценностей, что еще вчера почитались за уродство. Мотивация этой публики не более замысловата, чем мотивация любого наемника. Меня больше интересует психология тех умов, которые вполне искренне готовы отстаивать так называемые либерально-гуманистические идеалы (на самом деле и не либеральные, и не гуманистические), не замечая того, что происходит вокруг, подобно подслеповатому учителю, продолжающему что-то объяснять у доски, в то время как все ученики сбежали из класса. Еще они напоминают мне человека, никогда не видевшего кулачных боев, но вышедшего на ринг. Получив первый удар слева такой человек, вероятно, станет защищать эту сторону лица, ожидая, что и следующий удар придет с той же стороны. Оруэлл поистине великий пророк, и то, что он в своих предсказаниях ошибся лет на пятьдесят, не умаляет его провидческого дара. Забавно другое: то, что он ждал наступления антиутопии от коммунизма, а она пришла ровно с противоположной стороны, и именно тогда, когда коммунистическая идея рухнула вместе с СССР. Примерно так же подкралась к человечеству и перспектива уничтожения в нем всего, что мы называем человечностью.

Напуганные фашизмом, мудрецы новейших времен стали лепить запрещающие знаки на пути продвижения идей расовых и национальных превосходств, культа сильной личности и мужественной воли, а врата преисподней на этот раз открыла мягкая сила, вооруженная самой безобидной идеей на свете – идеей бесконечной ценности каждой человеческой жизни. Правда, при провозглашении этого нового морального абсолюта была совершена одна маленькая подмена. Давайте на минутку отставим в сторону привычную демагогию. Утверждать, что в аксиоме безусловной ценности жизни даже сомневаться безнравственно, настолько она безусловна, – все равно, что осуждать терроризм «во всех его проявлениях». С тех пор, как противоположная точка зрения стала уголовным преступлением, осуждения такого рода не имеют моральной ценности. Если, конечно, мы не считаем моральной ценностью лояльность любому внешнему предписанию, но такое суждение входит в резкое противоречие с категорическим императивом Канта. Дело ведь не в том, *что* говорится, а зачем. Сомнения в указанной аксиоме вырастают, в том числе, из сомнений в том, что большинство приверженцев этой ценности пришли к ней в результате поиска истины, а не в результате желания прикрыть себе тыльную часть тела, уж извините за грубость. Но если мы начнем задумываться, то окажется, что безнравственно как раз противоположное, а именно вводить людей в заблуждение представлениями о безусловности того, что повсеместно и ежечасно подвергается огромному количеству условий. Истории типа спасения рядового Райана ценой жизни десятка бойцов бесконечно трогательны, но не могут становиться образцом для тактики и воинского устава. Спросите любого командира, отдаст ли он роту за одного бойца. В крайнем случае он скажет: смотря за какого.

Спросите докторов реанимации: отключение от приборов безнадежно больного для того, чтобы подключить менее безнадежного – это абсолютное зло? Нет смысла множить эти примеры, дабы не оскорблять очевидность. Самым простым и универсальным условием, от которого зависит оценка человеческой жизни, является плотность населения. В Китае сдерживают рождаемость с помощью простых и действенных финансовых рычагов. В вымирающей России наоборот. Российское правительство, которому никогда не была чужда животноводческая жилка, грубо платит за производство детей, но потом и отнимает их из семьи под первым удачным предложением. Еще при росте поголовья человечества и пополнении Красной книги видами вымирающих животных снижается относительная ценность человеческой жизни. Недавно в Приамурье судили охотника за то, что он превысил меру самообороны, защищаясь от напавшего на него тигра.

Но, впрочем, я о подмене. Положа руку на сердце, скажу вам, что считаю веру в безусловную ценность человеческой жизни, как и сопряженную с нею веру в бесконечное достоинство каждого человека, важнейшим достижением на пути к блаженству. И знаете почему? Потому что за этой верой стоит любованье творением Божиим, понимание его хрупкости, удивление его загадочностью и страх вмешаться своим дерзким умом и грубыми руками в божественный миропорядок. Смысл этой веры и этой нравственной максимы в отказе судить о ценности человеческой жизни, а равно и о том, каким должен быть и каким может стать человек, по замыслу и в глазах Творца. Она неотделима от смирения. Как знать, говорит себе носитель этой веры, может быть это мерзкое на вид создание – будь то старушка процентщица, тюремщик, вымогающий деньги у заключенного, или торговец детьми – тоже нужно зачем-то Богу. А если не нужно, пусть Он его и накажет или исправит. Неведомы пути Господни, и не знаем мы, какой Савл завтра окажется Павлом. Так ли рассуждают инженеры новой социальной нормы? Из этой ли веры проистекает их жадное стремление контролировать вся и всех? И не ясно ли, что представленную веру при всем желании невозможно совместить с проектом того, что теперь называется социальным государством? Там благоговение, здесь самоуверенность, там упование, здесь контроль, там вера, здесь программа. И как вера в Живого Бога подменяется иногда верой в маленького и злого идола, так вера в безусловность человеческого достоинства, исходящая из непостижимости Бога и образа Его в человеке, превратилась у вас в маленький и вредоносный фетиш. Никто не относится как к абсолюту к изделию своих рук. Это даже как-то неприлично. И потому в той мере, в какой прожектеры вашего будущего пытаются вылепить из вас по отдельности и из общества в целом то, что они принимают за идеальную форму, в той мере они лукавят относительно вашей ценности в их глазах. Здесь разгадка того, почему Бог возгорелся гневом на Давида, сосчитавшего свой народ. И намек на то, что история эта далеко выходит за рамки исторического контекста.

Не одно упование на высшую силу я имею в виду, когда говорю о благоговении. Не все принимают концепцию Бога. Но будь вы трижды атеист и материалист, природу-то вы должны принимать, хотя бы как данность восприятия. И то, что природа имеет свойство развиваться и удивительным образом приспособливаться к меняющимся условиям, вы должны были уже заметить и признать даже без помощи Дарвина. Какого же черта вы исключили из этого процесса человека? Почему вы решили, что человеку – этой высшей природной форме – не свойственно саморазвитие и поэтому его никак нельзя предоставить самому себе? Ах да, социогенез! Социальность как качественно новая форма движения материи, возникшая в ходе эволюции и эту эволюцию отменившая по закону диалектики Гегеля. Социальность, заменившая собою арсенал инстинктов и ставшая необходимым условием для того, чтобы Маугли встал с четверенек. Все это мы проходили. Но давайте оставим в покое Гегеля – он верил, что природа есть форма существования живого Духа – и давайте быть последовательными. Если вы не принимаете иного начала, кроме природы, то и социальность ваша есть порождение той же природы, сколь угодно качественно отличное. Зачем же природа при скачке на этот новый уровень развития растеряла свое самое драгоценное качество? И откуда антагонизм между органическим саморазвитием человечества и навязанной ему социальной нормой? Дело, думаю, тут не в недомыслии, а в самообожествлении той кучки людей, которая решила

профессионально заняться улучшением человечества. Они, по их собственному мнению, и есть природа творящая – та лучшая и высшая часть природы, которая олицетворяет и воплощает в себе стремление остальной природы к саморазвитию. Я думаю, остальной части природы и человечества обиднее всего должно быть то, что сами эти реформаторы чаще всего не являют собой ничего величественного и даже демонического. По удачному выражению одного английского политика, это люди с харизмой половой тряпки. Есть еще один великий образ английской литературы: Гулливер, привязанный к земле копошащимися на его теле лилипутами. Так чувствует себя в современном мире любой по-настоящему свободный и талантливый человек.

Несомненным катализатором социальных реформ всегда выступали успехи цивилизации в покорении природы и развитии материальной культуры. Вырубив леса, разогнав хищников, закатав траву асфальтом, отравив грызунов и насекомых и создав сверхпродуктивное фермерское хозяйство, люди обнаружили себя в полностью рукотворном технологичном мире, в котором само понятие естественности потеряло актуальность. В этом мире нет саморазвития. Его место заняли программирование, дисциплина, расчет и тотальный контроль. Правда толика спонтанности все же проникла в этот мир с человеческой природой. Этот неприятный элемент – его принято называть «человеческий фактор» – вызывает иногда сбои в системе, так что совершенно понятно и оправдано желание совсем его упразднить и заменить умной техникой. На этом этапе управляемого развития и находится ваша цивилизация.

Неужели вы думаете, что сила, воззвавшая человечество к жизни, направила бы его по такому пути развития, в результате которого процентов девяносто или побольше окажутся лишними, никому не нужными людьми, а оставшаяся часть измельчает до неузнаваемости? Скорее так будет действовать вражеская сила. Но каким образом, спросите вы, такого можно было добиться? Увы, все просто и старо как мир. Тех, кто не умеет думать, закормили пропагандой, внушив им, в частности, что ничего нет глупее конспирологических теорий, а тех, кто умеет – подкупили возможностью войти в круг избранных. Посмотрите, как бесконечно расширился круг управленческих специальностей, сколько учебных заведений готовят будущих менеджеров всякого толка. Все эти люди думают, что им невероятно повезло, и социальный лифт вывез их на ту заветную платформу, откуда скоро уже поезд отойдет в светлое будущее. И они набиваются до отказа в вагон, отведенный для менеджмента средней руки, не подозревая, что их вагон отцепят и отправят в тупик. В некоторых перенаселенных городах Азии существуют кварталы, где люди живут на нескольких квадратных метрах с потолком, который не позволяет вставать, а только лежать и сидеть. У них есть кровать, телевизор и приспособления для разогрева нехитрой еды. И больше ничего. Добро пожаловать в новую реальность! Такое будущее ждет вас всех. Ну, почти всех. Вы ведь живете в гуманном обществе, где людям не позволено истреблять друг друга, а государство обязано платить пособие неимущим. Интересно, такую жизнь вы тоже посчитаете безусловной ценностью, ради которой можно было пожертвовать всем, что было прекрасного на земле?

Всего две простые, очевидные и добрые истины – и при правильном забросе пропагандистской уды несчастная рыбка под названием душа человека беспомощно бьется на крючке умелого рыболова. «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого» и «высшая ценность – человеческая жизнь». Всего-то надо добавить к этим двум компонентам немного реактива, например, в виде заразной болезни, и они превратятся в смертельное оружие. Вы уже больше никогда не будете принадлежать себе. Ибо человек своими действиями или бездействием, как бы он ни старался, всегда может причинить ущерб другому. У вас ведь теперь не оказание помощи – тоже преступление. А неудачное оказание помощи подавно. А если речь идет о заразности или о нехватке кислорода на всех, тут уже ущерб окружающим причиняется вашим собственным существованием. Поздравляю! Вы на крючке, с которого уже не сорветесь, если только не покаетесь и не обратитесь ко мне с мольбой о защите. Ибо с тайной беззакония (2 Фес.2.7) можно бороться только беззаконием явным. И я прошу и приму вас и скажу: идите, вставайте под мои знамена, на которых начертано «Амартия – мать

порядка». Кому-то покажется странным мой лозунг? Но если грех вошел в мир через закон, то почему бы от беззакония не родиться порядку? И, может быть, это будет тот высший порядок, когда человеческая природа окажется наконец в ладу с собой и не будет нуждаться в постоянных подачках и наказаниях со стороны?

Вот я стою и взываю на возвышенных местах, при дороге и на распустьях, как некогда взывала Премудрость (Притч 8.2): придите ко мне. Но никто не идет. Ибо для того, чтобы придти ко мне и пойти за мной, надо быть умным и смелым. Да-да, не смейтесь! Вы думаете, что ум и смелость – не моего поля ягоды, но достояние моей благочестивой сестрицы. Плохо вы знаете преступную среду, с которой я знакома не понаслышке. В ней ум и смелость ценятся выше всего. Даже совесть в ней ценится выше, чем у ваших современных правителей и судей (конечно, в разумных пределах, пока она не становится препятствием в борьбе за существование). Какой-то хитрец придумал выражение «жить по понятиям». Теперь у бедной лошадки целых две шоры, которые позволяют ей резво бежать в свою погибель, не заглядываясь по сторонам. Одна из них – вера в то, что не существует никаких заговоров, вторая – представление о том, что жить надо не «по понятиям», а по закону. По поводу первой надо заметить, что термин «теории заговора» применяется неадекватно. Можно верить, что миром управляет один-единственный человек или даже непосредственно дьявол, так что никто ни с кем не договаривается, и вас в этом случае все равно обвинят в конспирологии. Ибо под теорией заговора нынче понимается любая догадка о том, что исторический процесс не вполне стихийен, а существуют некоторые центры, пытающиеся этим процессом управлять. Историческая боязнь этой догадки сама по себе – не лучшее ли доказательство того, что заговор существует? По поводу же закона и понятий надо сказать, что на самом деле нет такой альтернативы. Есть основная альтернатива этики: жить по совести или по закону. И есть ее религиозный коррелят: жить по закону или по благодати. И что такое жить по закону, я уже показала в самом начале на примере с судьей. Это значит не считаться ни с совестью, ни со справедливостью, ни со здравым смыслом, а заниматься вместо этого крючкотворством в компании искусников интерпретации текста, написанного для того, чтобы можно было при желании оправдать или осудить кого угодно и за что угодно.

Нет, конечно, ставить знак равенства между совестью и тем, что имеют в виду под *понятиями* любители этого термина, было бы легкомысленно. Некоторые используют этот термин просто для обозначения другого закона – назовите его воровским или каким угодно. В этом случае нет предмета для обсуждения, поскольку вопрос ставится не о морали, а о власти. Однако большинство все же подразумевает под действием по понятиям действия, осуществляемые с рассуждением о том, какое добро или зло это действие принесет окружающим. И если мы говорим о суде, чинимом «по понятиям», то такой суд тоже отталкивается от принятого в группе понимания того, что считается дурным, а что благородным, и каковы реальные последствия поступка. То есть и в том, и в другом случае, пусть негласно и частично, но происходит апелляция к совести, в отличие от того суда, к которому вас приучила ваша цивилизация и чудовищность которого вы перестали замечать. Ибо ваше «жить по закону» есть не что иное, как форма отчуждения совести.

Китайцы говорят: уходит дао – приходит дэ, уходит дэ – приходит ли. Дэ – мораль, ли – ритуал, а дао и трудно перевести. Это и блаженное бытие, и согласие с природой, и личный жизненный путь. «Стезя благодатная» – так в первом русском переводе. Переводя же на общие европейские категории мысль эту можно передать следующим образом. Когда мы отказываемся от целомудрия, от целостной, органичной и самобытной жизни, нами начинает править мораль. А когда и мораль оказывается слишком просторной для нашего ищущего безопасности существа, на ее место приходит закон, предписание и правопорядок. Так и существует мораль между религией благодати и религией закона, так что первая возвышает совесть человека, а вторая принижает, первая дарует свободу, а вторая отнимает. Вот и решайте, жить ли вам по закону.

Воспетый Некрасовым мужичок задумал убить свою неверную жену, но его отговорил от этого зеленый шум весенних деревьев и трав, напевающий: «Люби покуда любится, терпи, покуда терпится. Прощай, пока прощается, и – Бог тебе судья!» Таков естественный человек и его дао. Какими мыслями и чувствами руководствуется в схожей ситуации человек, движимый высокими моральными принципами, мне трудно представить. Спросите об этом лучше мою сестрицу. А вот в каком направлении развивается мысль попавшего в столь печальную историю человека вашей культуры, приученного жить по закону, я, пожалуй, скажу. Он будет принимать решение исходя из прагматических соображений. И центральным из них будет вопрос о том, как избавляться от тела.

6

Что стало с вашими мужчинами! Это какая-то другая порода людей. Нет, я не виню их. Попробуйте-ка сохранить честь и достоинство, когда у вас отняты возможности их упражнять. Раньше мужчины выковывали ум и волю в войне, охоте и управлении имением. Свободное же от этих занятий время они посвящали облагораживанию чувств по преимуществу в общении с прекрасным полом. Охота теперь почти запрещена, поскольку несколькими поколениями детей читали душещипательные книжки о том, как злые охотники застрелили оленюху и маленький олененок остался без мамы. И дело не в том, что животных мало. Швейцария страдает от нашествий диких кабанов, Англия – от переполнивших города лис, Америка – от оленей. Дело в том, что убивать животных стало не гуманно. К рыбалке отношение посвободнее, но уже и здесь появляются знаковые перемены. В популярных передачах о любительском рыболовстве становится хорошим тоном отпустить пойманную рыбку, предварительно ее взвесив. Даже выращивание свиней стало предметом серьезнейших дебатов: можем ли мы производить на свет живую душу, чтобы потом умертвить ее. На сторонников отрицательного ответа не действуют доводы. Испанцы, с невероятным трудом отстаивающие корриду, уверяют, что бык, обреченный на заклание, проводит самую счастливую жизнь среди своих соплеменников. Ему обеспечены все условия для счастья и дано достаточно лет наслаждаться им, так что любой человек, будь у него такая возможность, выбрал бы подобные привилегии. Но противники корриды не унимаются и, меняя аргументацию, заявляют, что коррида портит нравы и – по натопанному: если человек убивает животное, завтра он может убить человека. Сдается мне, что нападки на охоту мотивированы все же не столько заботой о природе, сколько стремлением вытравить из человека все природное, столь чуждое новому пластиковому миру. Охота ведь сильнее всего остального сближает человека с естественным и правильным порядком вещей, когда для того, чтобы накормить свою семью мясом, мужчина должен сам заколоть свою жертву.

То, что собаки во всем мире ежегодно загрызают десятки тысяч людей, никого не возмущает. Но попробуйте обидеть собаку! Это тоже характерный штрих к вопросу о безусловной ценности человеческой жизни и к размышлению о психическом здоровье человечества. Вообще во всей своей исступленной любви к животным и неровных взлетах экологического сознания человек как-то совсем забыл, что он тоже часть природы, что он, как говорили отцы-каппадокийцы, животное, получившее повеление стать богом. Выведя себя за скобки в экологическом понимании мира, человек оказался и вне Бога, и вне природы, в каком-то странном состоянии, подвешенным между небом и землей. Это его состояние можно, скорее всего, описать как состояние банкрота, наблюдающего со слезами на глазах, как из его квартиры выносят мебель, но ничего уже не могущего предпринять. Экологическое сознание – роспись человека в том, что он не можем возделывать вверенный ему райский сад и оставляет его на зарастание. А стремление поделить своими правами с животными – роспись в том, что человек – не вершина творения. Самое удивительное, что в авангарде этого движения стоят христиане, хотя их вера состоит именно в том, что Бог воплотился в образе человека, подтвердив тем самым совершенно уникальное положение человека в природе. Христос ведь не Будда, который

воплощался много раз и в разных животных. Мне всегда представлялось, что для христианина ставить на одну ступень человека и животное есть предельная степень богохульства.

Имений больше нет, потому что нет слуг и господ, и все равны. Многоукладность жизни старого имения расширяла рамки опыта отдельной жизни, приоткрывая слугам дверь в большую политику, высокое искусство, науку и все то, чем увлекались их господа, а господам давая чувство сопричастности народной жизни с ее вековыми традициями, чувство родной земли. С разрушением этого уклада двери закрылись, и мир сузился, ибо человеку в одиночку трудно охватить и вместить в свою душу то, что раньше добывалось сообща. Увлечься обустройством своего дома, пожалуй, можно, но происходит это, как правило, в одиночестве и к одиночеству же приводит. Да и способ труда изменился. Все, конечно, стало проще и удобнее. Да только человек, точивший балясину на своем токарном станке или сбивавший лодку из досок, в большей степени чувствовал себя созидательной частью мироздания, чем тот, кто составляет конечный продукт по типу конструктора из приобретенных синтетических полуфабрикатов. Если мы говорим о крупном бизнесе, то в нем почувствовать себя хозяином дела едва ли возможно, потому что такой бизнес функционирует по требованиям стандарта, как сложная, жесткая и достаточно бесчеловечная система. Если о малом – то он исчезает вслед за кустарным промыслом, унося с собой многообразие оттенков мастерства и уступая последние уголки обжитой и уютной, как семейный быт, материальной культуры тяжелому конвейерному катку гигантских корпораций.

Что касается войны, то степень ее безобразности возрастала все последнее время пропорционально технической оснащенности. Некоторые историки связывают качественный скачок в этом процессе с изобретением пулемета, в результате которого основным времяпрепровождением военного стало сидение в мокрой и вонючей траншее. Максимилиан Волошин смотрел глубже и винил во всем порох:

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину,
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Все оперение турниров и парадов
И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла,
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов....

Что уж говорить о войне, в которой уничтожение противника осуществляется нажатием кнопок из укрепленного и надежно спрятанного бункера. Такая война имеет к мужественности самое отдаленное отношение.

Но самым мощным орудием воспитания мужественности во все века была мужская компания. Подобно детенышам льва и волка, мальчики проводили время в бесконечной возне, в которой, собственно, и осваивался навык мужского поведения. Они дружили и состязались, пробуя себя и друг друга «на зуб». В ходе игры органически выстраивались оптимальные отношения, при которых каждый занимал отведенное ему природой место в иерархии силы, и каждое из этих мест открывало перспективу роста и давало чувство сопричастности будущей совместной славе и власти. И если эта щенячья возня продолжалась достаточно долго, возникал сплоченный и непобедимый мужской союз, верный своему неоспоримому лидеру. Только в такой среде могли появиться Александр Македонский и Петр Великий. Но сегодня общественным воспитанием мальчиков заведуют женщины, которые

строго следят, как бы кто кого не обидел. Соревнования проводятся, но проигравших принято все равно награждать и утешать. А драки совсем запрещены. Чего же вы хотите от современных мужчин!

Мужчины по природе своей менее коммуникабельны чем женщины, более замкнуты и менее склонны к новым знакомствам. Это – при всем нивелировании половых различий – подтверждается современными психометрическими исследованиями. Но зато у них гораздо более развита научно необъяснимая природная способность физически заряжаться друг от друга энергией. Посмотрите на военный танец – тот, что существовал у всех воинственных племен, да и до сих пор еще существует на Кавказе. Он стоит особняком и от религиозных ритуалов, и от физических тренировок, и от публичных собраний. Потому что там есть и первое, и второе, и третье. Я не сторонница называть этот феномен стадностью. Скорее мужчины – животные стайные. Их коммуникация в отличие от стадной всегда иерархична и слаженна. Она нацелена на эффективное выполнение совместной задачи. Лидерство у них зиждется не на симпатии, а на способности лидера привести стаю к желанному результату, отвечая тем самым ее ожиданиям и в этой же мере полагаясь на ее поддержку. Конечно, существуют среди них принципиальные одиночки, те, кто охотится по одному. Я называю их барсами. Герман Гессе был неправ, когда назвал своего героя-одиночку степным волком. У волка стайная психология, даже если он иногда охотится один. Кошачьи – совсем другое дело. Попробуйте забрать из миски еду у кошки и у собаки, и вы мигом почувствуете разницу. Кот просто не поймет, зачем вы залезли в миску. Такие коты и барсы – самая лакомая добыча женщин. К сожалению, они чаще всего не склонны подпускать близко к себе не только мужчин, но и женщин.

Вы не заметили, что мужские компании куда-то исчезли? Где под эгидой борьбы с алкоголизмом, где в результате расформирования крупных производств, но мужчины стали меньше собираться вместе. Последний клапан, оставленный для выпуска пара, – это массовые спортивные зрелища, и тут уж в болельщиках стихия выплескивается в полноте, причем явная несоразмерность кипящих страстей значимости совершающихся событий выступает красноречивым симптомом ненормального состояния дел. Вот уж воистину: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не затевало революций! Многие переживают за свои любимые команды, как за своих детей, и при этом даже не делают ставок. Какое отношение к вашему городу имеют эти наемные игроки, которые завтра переедут играть за другую команду? Какое отношение имеете вы к их победе? В этой имитации причастности к истории горше всего ощущается пустота современной жизни и безнадежность будущего.

Теперь о чувственности и прекрасном поле. На самом деле, я хотела бы совсем избежать темы половых отношений. Раньше она была щекотливой, теперь стала болезненной. Но совсем обойти ее невозможно, ибо, как верно подметил мой редактор, тема эта доросла до богословского осмысления, так что XXI век в будущих учебниках по богословию и церковной истории (если до них доживем) будет, скорее всего, называться эпохой великих гендерных споров. Так что скажу несколько слов, обращаясь на этот раз преимущественно к дамам. Кстати, могу рекомендовать эссе моего почтенного редактора под названием «Обморок либерализма», в котором указанной теме посвящена целая глава. Я бы смелее рекомендовала ее, если бы в ней было поменьше философии. Ну да на безрыбье и рак рыба.

В этом эссе вы найдете немало глупостей, например, по поводу того, что эмансипация женщин выгодна кому-то экономически. Цыплят по осени считают, и я бы не стала из временного всплеска интереса к женщинам на рынке труда делать столь долгосрочные выводы. В экономике правят бал волны, и не далек, возможно, тот день, когда очередная волна пойдет на спад, и женщины станут обивать пороги трудовых бирж чаще, чем это делают сегодня мужчины. Что же касается причин гендерных трансформаций, надо признать, что ни одна из четырех предложенных в эссе гипотез не попала в «яблочко», но и не улетела в «молоко». Не буду раскрывать вам все тайны Великого замысла, чтобы вы много не возомнили о себе, скажу лишь намеком, что если все останется как есть, и вы не броситесь в мои объятия, скоро вас ждут весьма занимательные события, в результате которых вы напрочь забудете то, что на биологическом языке называется двуполым размножением.

Если бы мы писали это эссе вместе, я убедила бы моего редактора уделить побольше внимания одному занятому качеству половых отношений, появившемуся совсем недавно, с тех пор, как люди стали сбривать волосы на теле, мыться по несколько раз в день и пользоваться всеми преимуществами невероятно усовершенствованной гигиены и косметологии. Цель этих затей состояла, в первую очередь, в том, чтобы повисить свою сексуальную привлекательность и насыщенность половой жизни. Эффект получился противоположный. Никогда еще эротичность в человечестве не падала до такого низкого градуса, а получение удовольствия от половых встреч не сопрягалось с таким количеством психологических затруднений. Но ведь это можно было предвидеть! Если вы объявили стандартом не ту жизнь, которая есть, а ту, которую вам представляет реклама, со всеми ее трюками по устранению несовершенств, – расхлебывайте последствия. Какое может быть удовольствие от отношений, и в особенности от их интимнейших форм, если ты только и думаешь, как бы не открылось то, что было тщательно отфильтровано с помощью техник фотошопа или гигиенических приспособлений? И дело ведь, к сожалению, не только в самовнушении, с которым можно было бы справиться. Дело в том, что восприятие твоего близкого действительно настроено так, чтобы мигом выхватывать то, что контрастирует с той гламурно-рекламной виртуальной действительностью, в которой формировались его чувственность и эстетический вкус. Не кажется ли вам, дорогие мои, что и в этом случае корень бед в том, что вы отвернулись от меня?

Физический и моральный перфекционизм, как и физическая и моральная трезвость, идут бок о бок. Никогда еще в истории человечества так не порицался «с низов», изнутри общественного мнения так называемый адюльтер. То, что раньше было предметом для шуток и сплетен, теперь выносится на общественный суд. Теперь оно окружено ореолом торжественности. Нарядные дамы усаживаются в первые ряды собраний, на которых очередная знаменитость, пойманный на измене муж, рассказывает, как он раскаивается в своей ошибке и как он любит свою жену, а дамы обсуждают, можно ли ему верить и насколько искренним было его раскаяние. Поистине это самая большая победа кальвинизма! Но соотносить это новое настроение при внимательном рассмотрении стоит все же не с возросшей силой брачных уз (статистика говорит об обратном), а с возросшим ханжеством и требованиями взаимной изоляции граждан в интересах общественной гигиены. Торжество любви мне здесь трудно усмотреть, так что я не засчитываю очко в свое поражение, пусть его и засчитывает в свою пользу моя сестрица ханжа. Я-то знаю, что сострадательная Агапа, которую так любят христиане и ради которой, по большому счету, и был объявлен священным брачный союз, выходит из эротической стихии, как Афродита из воды и цветки из земли, так что, растеряв одно, трудно надеяться сохранить второе. А прельщенные моей сестрицей болванчики думают, что любовь возникает из того, что каждый день, уходя на работу, муж должен говорить жене «люблю тебя», а она в ответ – «и я тоже». Некоторые чуткие в религиозном отношении народы правильно усматривают в этой манере глубокую порчу нравов и гнушаются ей как нарушением третьей заповеди Моисея.

В связи с этими бурными переменами некоторые наиболее толковые учителя литературы отмечают, что с какого-то времени стали чувствовать себя крайне неудобно перед учениками при изучении литературной классики. Вплоть до того, что почувствовали себя развратителями малолетних. Сами посудите, как может порядочная девушка испытывать сочувствие Анне Карениной или чеховской даме с собачкой? И можно ли испытывать это сочувствие, хоть самую малость не породнившись со мной? Скоро, я думаю, ситуация дойдет до критической точки, когда будет принято единственно правильное решение исключить изучение классики из школьного курса. А пока имеют место и прямые конфликты. Мне доподлинно известны случаи, когда дети – особенно в этом преуспевали, как вы догадываетесь, ученики протестантских школ – подавали рапорт о том, что они отказываются изучать произведение Островского «Гроза», потому что это произведение оправдывает грех.

А какой верх издевательства над моралью являет сие стихотворение Некрасова:

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои законные права, –
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи – пока есть время
Свободный, по сердцу союз.

Но если страсть твоя слаба
И убеждение не глубоко,
Будь мужу вечная раба,
Не то – раскаешься жестоко!

Все было бы гораздо хуже, если бы современные дети умели читать между строк и понимали все те недомолвки, к которым прибегали литераторы галантных времен, дабы миновать препоны цензуры и не потревожить чувства неопытных в делах любви. Благодаря отсутствию этой способности у детей чаще всего создается совершенно ложное представление о нравах былых эпох, и только редкими протуберанцами искусства доносится до их выхолощенного и выморочного сознания тепло моего дыхания и пьянящий запах моих духов. Те места романов, которые заставляли девицу прошлых времен заливаться краской, читаются современными барышнями с зевотой и коровьим хлопаньем глазами. И то во благо, ибо вскормленный современными средствами информации молодой человек переводит все в визуальные образы и будучи толком не в состоянии вникнуть в переживания героев, а равно и в суть происходящего без этого грубого переноса, остается огражденным от множества искушений. Что было бы, если бы мы стали экранизировать классику без купюр, дабы компенсировать этот вакуум собственного воображения подростка? Например, такой фрагмент, рисующий патриархальные нравы русского уездного городка, из рекомендованного к изучению в школе «Однодума» Лескова:

«Но самая возвышенная деятельность происходила в центральных гнездах уездного властелинства – в судебных канцеляриях, где дело начиналось с утомительной и скучной отметки регистров, а кончалось веселою операциею обметания стен и мытья полов. Поломойство – это было что-то вроде классических оргий в дни сбирания винограда, когда все напряженно ликовало, имея одну заботу: пожить, пока наступит час смертный. В канцелярии за небольшим конвоем кривых инвалидов доставляли из острога смертную скукою соскучившихся арестанток, которые, ловя краткий миг счастья, пользовались здесь пленительными правами своего пола – услаждать долю смертных. Декольте и маншкурт, с которыми они приступали к работе, столь возбуждительно действовали на дежуривших при бумагах молодых приказных, что последствием этого, как известно, в острогах нередко появлялись на свет так называемые «поломойные дети» – не признанного, но несомненно благородного происхождения».

Да! В моем любимом кинематографическом жанре этот эпизод в один абзац потянул бы на сюжет полноформатного фильма. Думаю, что чиновники от образования, наконец, поймут, что к чему, и налепят «18+» на всю русскую литературу. Может, для литературы это было бы и лучше. Ни Пушкин, ни Чехов, ни Лесков не могут ведь подать с того свет иск о защите чести и достоинства против служителей моей сестрицы, выставляющих их напоказ в шутовском колпаке добродетели, который они сами на себя никогда бы не надели.

Раньше женщинам удавалось совершать то, к чему они приспособлены лучше мужчин и к чему лучшие из них искренне стремятся: спасать падших, нуждающихся и заблудших. Теперь ваша цивилизация предоставляет имитацию этого в виде служения в различных общественных организациях и благотворительных фондах. Только это служение могут нести и мужчины. А вот статья Сольвейг, которая скажет погибающему Перу Гюнту: «Ты был самым собою в надежде, вере и в любви моей», – на это способна только женщина. И эту возможность, судя по всему, вы катастрофически теряете.

Самое странное в мужчинах – это их либидо. Нам никогда не понять его до конца, мы можем лишь в меру нашей отзывчивости смутно догадываться о том, что это такое. Легенда о Клеопатре, предлагавшей мужчинам отдать жизнь за ночь с нею – не преувеличение, а преуменьшение реального положения дел. И дело совсем не в том, что в Клеопатре было что-то особенное. Предложения такого рода при определенных условиях могла бы выставлять любая сколько-нибудь привлекательная женщина, и они не остались бы без ответа. Что для этого нужно – всего лишь долгий запрет мужчине на общение с женщинами и, прежде всего, голод для мужских глаз. Мужчины ведь любят глазами. Я знавала в старые времена немало пылких юношей, готовых без колебания отдать все, что у них было, включая жизнь, не только за ночь неограниченного воплощения фантазий, но даже за хорошую порцию развратного зрелища. И что же мы получили сегодня? Сегодня это самый дешевый товар, да что дешевый – бесплатный! Понимаете ли вы, милые дамы, какую власть вы потеряли? Попытки компенсировать эту потерю и отомстить мужчинам, преследуя их за либидо (то, что сегодня называется домогательством) я, честно говоря, не приветствую. Мне кажется, что это поведение зайца, попавшегося в петлю и затягивающего ее на шее в попытках вырваться. Чего доброго, мужчины решат совсем с вами не связываться. Они ведь расчетливы, а риски и неприятности связи с женщиной начинают потихоньку перевешивать бонусы. Я уже встречала мужские статейки с расчетами подобного рода, доказывающие, что брать на себя роль отца и мужа в нашем мире невыгодно. Противные животные! Боюсь, что если вы перегнете палку в этом вопросе, они могут обратиться к себе подобным в более широком смысле подобия и посчитать, что не только мужеложество, но и скотоложество несет в себе меньше хлопот и больше приятности, чем общение с женщиной.

Вы справедливо рассудили, что у мужчин слишком много недостатков, чтобы править миром. И стали бороться за новый «женский мир», и почти построили его. И что-то мне он не очень нравится. А вам? Во-первых, меня немного смущает количество денег, потраченных на вашу победу еще в те времена, когда миром официально управляли мужчины. Что-то я редко слышала, чтобы эксплуататоры платили революционерам за свое свержение. Вы никогда не думали об этом? Вы не думали о том, что с каждым отвоеванным себе местом в сообществе сильных вы подрываете свою мечту? Ведь никто из вас не хочет жить с безработным, бесправным и никчемным человеком. А количество таких на душу женщин будет несомненно расти. Вернее – будет стремительно сокращаться количество незанятых «настоящих» мужчин на сотню женщин. Вас ведут в полигамию, и вы давно могли бы это понять.

Вы преодолели экономическую зависимость от мужчин, но вам этого кажется мало. Вы хотите полного избавления от наказания Евы: «и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт.3.16). Думаете, сможете справиться психологически? Я думаю, что да. Вопрос в том, кем вы станете, когда это произойдет. Я знаю вашу слабость. Она неотделима от вашего величия. И я не верю, когда женщина, сохранившая человеческий облик, говорит, что ей никто не нужен. Лишь несущие разрушение могут не бояться одиночества, краха и уничтожения, могут наслаждаться демоническим стоянием на вершине и хождением по краю бездны. Имя вашей праматери – Жизнь, и разрешение от клятвы Евы будет для вас равносильно признанию победы Смерти. А я, хоть и ее дочь, не советовала бы вам добровольно отдавать себя в ее власть и даже заигрывать с нею. Уж лучше оставьте эту долю мужчинам, а сами отдавайтесь им. Смысл наказания Евы не в том, что женщина не может господствовать, а в том, что она может делать это только в союзе – либо с мужчиной, либо с дьяволом.

7.

Три силы предопределены от века к тому, чтоб превратить некогда гордое и славное племя человечества в биомассу. Это право, воспитание и медицина. Ибо дух человека можно угнетать не только напрямую с помощью закона, но и опосредованно через душу и тело. Использование медицины с этой целью – последнее из изобретений вашей неутомимой цивилизации. Хотя дома умалишенных существовали века, они предназначались лишь для малых избранных. Посягнуть на всех цивилизация еще не решалась. Теперь с каждой новой пандемией, с каждым новым открытым вирусом, с каждым новым «вызовом», брошенным человечеству синтетическими заменителями старых наркотиков эта третья сила подавления человека накачивает мышцы. И это есть приближение к последнему акту трагедии, ибо порабощение духа дошло до своего логического предела. Дальше тела идти уже некуда, кроме души и тела у человека ничего нет. Сбылось то, о чем не мог догадаться даже тот ревностный обличитель русского рабства, который воскликнул: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух». Теперь, когда по всякому поводу и без него вас заставляют надевать гигиенический намордник, у вас отняли право свободно дышать.

Юриспруденция, похоже, осталась последней и единственной обителью Диониса в вашем выхолощенном законом мире. Ибо там царит настоящая вакханалия законотворчества. Иногда даже кажется, что это агония в предчувствии приближающегося Очищения. Ликургу пришлось убить себя, чтобы уберечь спартанцев от этой пагубной страсти. Уж не знаю, что надо сделать сегодня, если только не разогнать всю эту свору, закрыть суды на правовой карантин и начать все сначала, установив, к примеру, что всякое слово закона может быть высечено только на камне, а весь свод законов, издаваемых в год, не должен превышать ста слов.

Не прошло и полвека с начала законотворческой лихорадки, а сколько уже успели нагородить! Идея политкорректности – самая плодовитая грядка этого огорода. С нее вы вкушаете ту травку, которая призвана напрочь отбить чутье на то, что можно, а что нельзя, что хорошо, а что плохо, и в результате передать добровольно решение в этих вопросах «профессионалам». Вот человек назвал нигерами кого-то в частном разговоре по телефону. Его лишают работы и вменяют громадный иск. Вам-то что до этого? А то, что по прецеденту больше не существует де-факто понятия частного разговора. Вот кто-то додумался ввести уголовное наказание за отрицание холокоста. Исключение? Нет – ящик Пандоры. Теперь вас будут наказывать за суждения – нет, не за оскорбления, не за клевету, а за точку зрения, за дерзость иметь собственное суждение по историческим, этическим, антропологическим и иным вполне себе гуманитарным вопросам. Инквизиции давно не было, и вы явно соскучились по ней. За отрицанием холокоста пришло оскорбление чувств верующих, отрицание роли отдельно взятых стран в отдельно взятых войнах, отрицание опасности тех или иных болезней. За ними, несомненно, в состав уголовных преступлений войдет отрицание существенных различий между мужчиной и женщиной. Термин уже заготовлен – сексизм. И коль скоро за расистские высказывания уже положена тюрьма, то за «сексистские» она вот-вот будет вменяться. И коль скоро хунвейбины американского образца уже громят памятники великим историческим деятелям за то, что те были расисты, нет сомнения, что детки ваши будут громить все консервативные религиозные организации и все достояние классической культуры за сексизм. Поскольку тема эта обладает большой многогранностью, включающей психологические, биологические, социальные и иные аспекты, все эти аспекты потянутся следом. Преступлением может стать публичное заявление о том, что можно топить котят или о том, что массовые собрания молодежи в царской России проводились без контроля полиции, или о том, что курящих беременных женщин не обязательно сажать за это в тюрьму. Да все что угодно может стать предметом уголовного преследования. Никто ведь не может предугадать, что ваши мудрецы посчитают завтра исключительно вредным для общественного порядка и нравственного здоровья граждан. Ящик Пандоры открыт.

Про такой плод с этой грядки, как оскорбление чувств верующих, – отдельный разговор. То, что служители Фемиды взвалили на себя это нелегкое дело, свидетельствует о таком уровне их смелости и мужества, за который полагаются уже не трудовые, а боевые награды. Как бы вам это объяснить? Объясню на примере с порнографией. Один раз я видела телевизионную передачу, в которой корреспондент отлавливал на улице обычных прохожих и приглашал их по одному в маленькую закрытую будку. Там механический голос предлагал им посмотреть в камеру и сказать слово «любовь». При этом их лицо показывали крупным планом. Я так и не поняла, зачем это все делалось, но ничего более неприличного я в жизни не видела. Но разве кто-нибудь сможет квалифицировать это как порнографию? Так же и с религиозными чувствами. Как я понимаю, верующих оскорбляет чаще всего не то, что говорят неверующие в защиту своей позиции, а то, что неверующие принимают за веру. То есть, если неверующий священник произносит благочестивую и правильную в нравственном отношении проповедь – это оскорбительно для чувств верующего. Если он призывает верить в то, во что сам не верит, – это оскорбительно вдвойне. Религиозно образованный человек понимает, что регулярных чудес не бывает, что если какое-то событие совершается из года в год в одно и то же время, то это природное явление или артефакт. И когда он замечает, что духовенство не только не противится суеверию, но пытается его всячески поощрять из побуждений, о которых мы лучше умолчим, его чувства бывают сильно оскорблены. Понимаете ли, какая здесь открывается волшебная перспектива для тех, кто зарабатывает на хлеб, сажая людей в тюрьму? Сначала можно сажать тех, кто отрицает такие чудеса, потом – тех, кто их фальсифицирует, потом тех, кто их неправильно понимает и интерпретирует, и так по кругу.

Соседняя грядка больше напоминает клумбу, так цветисты и благоуханны произрастающие на ней растения. Раньше это был весьма скромный уголок юридического сада, где ютились изнасилование, гомосексуализм и два-три других ничемных преступления, по которым почти никогда не заводили дела. Теперь это самая роскошная часть, истинная гордость садовников. Под грохот фанфар и аплодисментов оттуда вынесли увядший гомосексуализм, чтобы занести целый букет новых диковинных растений: педофилия, домогательство, домашнее насилие, заражение СПИДом... Да есть такие преступления, которым и название-то трудно придумать. Буквально в последние годы в Америке стали сажать преподавательниц вузов за секс со студентами. Педофилию тут никак не пришьешь – студентам больше восемнадцати лет. Насилия нет тоже, так что сослаться приходится на нарушение контракта и общие этические соображения. То же касается нашумевших дел с воротилами шоу-бизнеса, которых бывшие потаскушки хотят наказать за то, что не сделали их женами и не смогли обобрать их до нитки. Там идет в ход термин «домогательство», то есть, иными словами, настойчивое ухаживание, и хотя подсудимые небезосновательно утверждают, что они не то что не домогались, а с трудом отбивались от претенденток на их внимание, падение судейского молотка сопровождается реальным сроком с самой общей, непререкаемой и самой перспективной формулировкой, к которой, как мне кажется, сведется в конце концов все остальное: *сексуальное преступление*.

Но все же педофилия – самая выдающаяся победа моей сестрицы. Определять одинаковую меру наказания мужчине, который зверски изнасиловал и измучил ребенка, оставив его на всю жизнь калекой, и мужчине, который не сделал ничего, но подозревается в том, что в его отношении к ребенку есть эротический элемент, – это поистине гениально! Кто не верит, что такое бывает – познакомьтесь с делом священника Глеба Грозовского. Простите за конспирологию, но я не верю, что это дело было состряпано из чьей-то мести, передела сфер влияния или еще каких-то мелких интересов. Здесь размах покрупнее. У латинян каждый год сажают священников и епископов за педофилию, а мы что – хуже? Надо, наконец, и у православных распаковать эту колоду. А если есть жрец, агнец найдется. Как я понимаю, у христиан жрец в то же время и Агнец? Что ж, символы имеют свойство время от времени воплощаться.

Кроме того, что изобретение педофилии дает возможность легко и быстро продвигаться по службе наиболее беспринципным служителям закона – а эта публика, несомненно, будет пользоваться все

большим спросом в государственных аппаратах – оно несет важнейшую идеологическую нагрузку. Во-первых, оно заставит мужчин шарахаться от детей, как от заразы. Древние греки, положившие, как известно, начало публичному воспитанию, хорошо знали ту способность человека передавать энергию через тактильный контакт, о которой я уже говорила. Поэтому греки ценили педофилию, а точнее ее специфическую разновидность – педерастию – в качестве воспитательного средства выше педагогики, и предписывали каждому мальчику, который хочет стать хорошим воином, самый тесный телесный контакт со взрослым мужчиной. Если вам интересна эта тема, могу посоветовать почитать Анри-Ирене Марру, одного из самых видных мэтров образования, особенно чтимого среди христиан. В своей «Истории воспитания в античности» он раскрывает механизмы того, почему античная традиция «последовательно связывает педерастию с доблестью и мужеством», и рассматривает педерастию «как самую совершенную, самая прекрасную форму образования».

Насколько ревностно эта традиция сохранялась в Средние века, мы не знаем. С приходом христианства о таких вещах стало не принято говорить, а однополая любовь была объявлена вне закона. Но мы знаем, что церковь не порицала ранний брак, и в течение большей части христианской истории половая жизнь у подростков начиналась очень рано, сразу после достижения ими половой зрелости, то есть где-то в 14 лет, а где-то и раньше. В трудах авторитетных сексологов полувековой давности этому находилось вполне медицинское объяснение: чем раньше начинается половая жизнь, тем ярче и дольше она проходит. Но, как это часто бывает, научные данные с тех пор претерпели значительную метаморфозу не без содействия хранителей общественных устоев. Надо же хоть как-то оправдать введение столь страшных мер, включая кастрацию (в самых жестких теократических и авторитарных обществах на это не решались). Вот и оправдывают «непоправимым вредом» для физического и морального здоровья ребенка, хотя более ощутимым и массовым следствием дистанцирования детей и взрослых, очевидно, становится эмоциональная недоразвитость ребенка, его меньшая зависимость от родителей и большая – от общественных учреждений, а также возросшая степень одиночества. Но ведь все это именно и надо для установления тоталитарного порядка.

Вторая очень важная идеологическая функция охоты на педофилов в закреплении и углублении тренда на превентивное применение права. Мало ли что, что ты еще не совершил преступления. Закон и государство должны выявить твою способность к этому заранее и исправить или изолировать тебя. Большая роль в техническом обеспечении этого процесса принадлежит психологии, которая со все большим удовольствием кормится с руки силовых ведомств. В сущности, здесь мы видим следующий шаг на пути продвижения закона внутрь человека: вчера судили за дела, сегодня судят за слова и мысли, завтра будут судить за намерения и склонности. С тем вместе меняется и общественная роль закона. Подобно тому, как банк начинался как хранилище денег, а превратился в фискальную организацию, так и правоохранительная система создавалась для охраны и защиты, а стала главным средством воспитания нравов. Ибо не надо забывать, что закон – это религиозная категория, и жить по закону – религиозный выбор.

В религиозной же плоскости мы находим и третье значение педофилического проекта. Только здесь речь идет о религиозности темной, покоящейся на страхе и находящей свое удовлетворение в создании различных табу и наказании за их нарушения. Кто не понимает, о чем я говорю, – почитайте «Повелителя мух». Здесь проявляется свойственная человеческой натуре потребность в оргии, вывернутая в зеркале морали и права. Это мои шаловливые дети заставляют человечество во все века выискивать или придумывать тех, кто посягает «на самое святое» и с тем большим наслаждением их казнить, чем выше волна всенародной моральной ярости. В роли жертвенных животных на этих оргиях побывали и ведьмы, и еретики, и враги народа. Теперь вот педофилы. Это очень важный и действенный инструмент сплочения общества и канализации накапливаемых им иррациональных разрушительных сил, а заодно и напоминания о том, что с Левиафаном шутки плохи. С этими задачами он справляется даже лучше военных парадов, и поэтому он никогда не исчезнет из употребления.

Вы заметили, как увеличились сроки наказаний почти по всем преступлениям? Европейские государства и несчастная Россия вознамерились, видимо, догнать и перегнать флагман кальвинизма, где дают сроки и по сто, и по двести лет, а количество заключенных на душу населения выше, чем в самых авторитарных государствах. Они ведь кальвинисты (см. справку выше), поэтому оступившийся человек для них уже отрезанный ломоть. Его оставляют жить только из приличия. Новой важной задачей правоохранительной системы становится собирание тщательного досье на каждого человека, благо новые технические возможности позволяют это делать. Дальше идет отделение чистого от нечистого, благо специалистов в этом вопросе среди юристов тоже хватает. Опять меня изумляют христиане. Вы забыли, что христианство как отдельная религия началась с крещения необрезанного сотника, а совершил это Петр после того, как в видении ему было строго сказано не соблюдать более кошерных ограничений, и не почитать нечистым то, что освятил Господь (Деян.10)? Да и все эти истории с прощением и превознесением мытарей, блудниц и пьяниц, нарочито рассыпанные по четырем евангелиям, не прямое ли это напоминание вам, что именно в этом разделении людей на грешников и праведников пролегла самая глубокая черта, отделившая фарисейство от учения Христа? Предки ваши понимали это так хорошо, что даже посмеивались над этой особенностью христианства еще в самые суровые времена грозных Иоаннов, например, в остром, как памфлет, сказании о бражнике, где пьяница оказывается во главе стола в Небесном Царстве, потеснив и Петра, и Павла, и Иоанна.

В погоне за этой заманчивой селекционной целью – не скажу новой, ибо все это уже было в евгенике, только средства поменялись – творцы нового порядка готовы переехать любые препятствия и не моргнув глазом уничтожают установления, считавшиеся незыблемыми со времен древнего Рима. Куда делся срок давности преступления? Вы и этого не заметили? Вы не задумывались, почему Ассанжа или других вредоносных для цивилизации личностей преследуют за какие-то весьма сомнительные преступления через десять, двадцать и более лет после их – пусть даже оно и было – свершения? И не задумывайтесь, юристы вам все равно объяснят, что никакого нарушения принципов правосудия здесь нет. На то они и юристы. Примите просто как данность, что сроков давности более нет. Когда в целях отделения оводов от козлиц в России были введены справки о несудимости, некоторые учителя и профессора, честно прослужившие десятки лет, потеряли работу, потому что тридцать или сорок лет назад были судимы. Я даже заинтересовалась: как же это? Ведь все знают, что есть механизм погашения судимости, и статья 86, п.6 уголовного кодекса РФ строго и однозначно гласит: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью». Каково же было мое изумление, когда я открыла кодекс снова, а там, в новой редакции... Нет, пункт 6 не исчез, он стал даже более пространным. В нем появилась приписка: «... правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом...» То есть в рамках других кодексов – гражданского, трудового и т.д. – можно преследовать за судимость до конца жизни, что и происходит. Это не единственный пример последних усовершенствований. Теперь, например, можно сажать в тюрьму человека за одно и то же преступление по нескольку раз, в связи с открывшимися «новыми эпизодами». Если раньше какой-то балбес избил таксиста и угнал у него машину, он получал за это, скажем, лет пять. Теперь он отсидит за таксиста пять лет, а потом, сразу по освобождении, если Левиафану будет угодно, сядет еще на пять за угнанную машину. Так потихоньку, пока вы спите, до неузнаваемости меняется закон, с которым вам предстоит жить.

Но что это я все о преступниках? У правовых отношений гораздо более широкий размах, и все граждане должны быть вовлечены с их помощью в новые реалии жизни. Мне ужасно нравится, когда всемогущее и безжалостное государство вдруг становится скромным и тщедушным и беспомощно разводит руками, когда дело касается злодеяний, направленных не на него самого, а на его граждан, то есть когда дело касается того единственного, ради чего оно, собственно, и существует. Необходимы, безусловно, десятки лет и десятки тысяч пострадавших для того, чтобы выработать простой механизм защиты приобретателей жилья от грубых мошенничеств. Теперь вот новая напасть: на людей берут

кредиты другие лица. Доказать, конечно, ничего не стоит, что кредит брал другой человек, – это если жить по понятиям – но юридически крайне трудно обойти некоторые чрезвычайной важности принципиальные формальности, так что пострадавший все же вынужден будет возвращать не им взятый долг. И государство, и могущественные банки снова лишь улыбаются и укоряющее качают головой: «Надо быть осмотрительнее, а мы ничего сделать не можем».

А для того, чтобы осмотрительность ни в коем разе не могла помочь обычному человеку, разработана целая культура юридического бумаготворчества со своим мало кому понятным языком, своей логикой и своим подтекстом. И поскольку этот вид творчества проникает стремительно во все стороны нашей жизни, то вскорости не только выйти замуж, но и купить электрочайник невозможно будет без помощи пронырливого юриста, ибо неудачная покупка чайника сможет обойтись в соответствии с неосмотрительно пропущенным параграфом увесистого договора значительной неустойкой. Договор – это, наверное, древнейшее установление человечества, которое появилось до письменности, религии и искусства. Но юристов никак нельзя считать представителями древнейшей профессии. Обходились без них, ибо цель договора была обратной. Договор должен был быть простым, прозрачным и понятным с двух сторон. И этого как-то веками удавалось легко достигать, пока не появились юристы. Даже в устной форме договаривались о довольно сложных сделках русские купцы всего чуть больше века назад, и это почему-то работало. Потерянного не воротишь, но занятно наблюдать, как меняются смыслы вековых установлений. Теперь, когда руководители предприятий знают, что смысл подготавливаемой для сделки документации непостижим для непосвященных именно потому, что суть их в лукавстве, обмен проектами договоров, которые «должны посмотреть юристы» представляет собой своего рода разведку боем или смотр сил противника. Кто-то даже гордится этим, считая это верхом цивилизованности: раньше, мол, выясняли отношения дубинами, потом с помощью колышков, а теперь с помощью бумаги. Сбылась мечта Лейбница: вложим шпаги в ножны, возьмем перья и посчитаем. Только по мне – это просто мерзость, и Лейбниц мечтал о другом. Иногда называют нынешнюю эпоху пост-информационной, поскольку информации как сообщению, которому можно доверять, больше не существует. Мерещится мне и время пост-юридическое, когда сделка снова будет покоиться на честном слове и скрепляться пожатием руки. Но до этого человечеству, вероятно, предстоит сильно поредеть.

8.

Пока право матерееет в своем умении подчинять, усмирять и облапошивать граждан, другая подвластная государству сила берет на себя не менее почетную задачу оболванивания. Волошин назвал воспитание тягчайшим из преступлений человека над людьми, искусством производства «обеззараженных, кастрированных граждан». Здесь он не про ту кастрацию, что положена за педофилию, а фигурально. И здесь он представляет не самого себя, а появившуюся до него и живую еще по сей день почтенную педагогическую традицию, в рядах которой одно время стоял Лев Толстой. Толстой требовал доказательств того, что взрослые имеют право воспитывать детей. Педагогика, начало которой стоит вести с того момента, как Ева первый раз приложила к груди своего первенца, вошла в период своей зрелости именно с этим требованием. Сегодня эта наука, очевидно, пребывает в старческом маразме, ибо не только не сомневается в праве воспитания детей, но и берется без колебаний за воспитание взрослых. Идея непрерывного образования – вот, наверное, самое главное достижение государства в этой сфере с тех пор, как оно бесцеремонно вторглось в нее, отложив в сторону свои законные обязанности и сменив, как говорил Василий Розанов, военные кличи на совершенно несвойственную ему колыбельную песню. Англичане до последнего не пускали государство управлять школой, но и они сломались под натиском, полностью утратив автономию школы к концу второй мировой войны. Педагогика, как вы догадываетесь, это та сфера деятельности, где любое насилие над человеком можно оправдать его же собственным благом. В этом она уступает

только медицине, но значительно превосходит юриспруденцию. По этой причине государства, утончающие свою методологию воздействия на человека, проявляют к системе образования все больший и больший интерес. В чем необходимость непрерывного образования? Почему старика нужно сажать за школьную скамью? Ответить можно по-разному. Можно сказать, что стремительно меняющиеся условия жизни, ускоряющийся научно-технический прогресс заставляет государство заботиться о том, чтобы зрелые и даже пожилые люди имели доступ к новым техническим разработкам и не теряли возможность социально-активной жизни. А можно сказать, что человек, которому привили самосознание вечного недоучки, могущий ориентироваться в жизни только с помощью напутствий Большого Брата, для этого самого Брата менее опасен, чем человек, имеющий самосознание самостоятельной и состоявшейся личности. Человек общества будущего должен всегда быть готов принять новые жизненные установки и не коснеть в своем миропонимании. Кроме того, с помощью бесконечной переаттестации служащих создается надежная система контроля за тем, чтобы никто не отклонялся от линии, проводимой в образовании государством, и не дай Бог не начал учить чему-нибудь от себя. Поэтому не страшно, когда старого профессора заставляют сдавать экзамен, а принимают экзамен те, кто должны бы в его присутствии молчать и слушать. Задача экзамена не в том, чтобы проверить квалификацию профессора, а чтобы ткнуть ему мозолистым государственным кулаком в нос.

Для этой же цели в школах создается ситуация, которая заведомо исключает нормальное развитие ребенка. Чем должна быть по замыслу общеобразовательная школа? С тех пор как цель ее была осознана в категориях всестороннего развития личности, она должна была стать обителью муз, местом сосредоточения духа, духовным садом, гуляя по которому в тишине и беззаботности, воспитанник впитывал бы в себя все краски, звуки и запахи предшествующей культуры, загораясь постепенно желанием служить ей и насадить свое дерево в этом прекрасном саду. Увы, современная школа являет собой полную противоположность и напоминает больше беличье колесо, в котором учитель вместе с учениками бешено крутятся во исполнение бесчисленных и бессмысленных предписаний, исправно поступающих от непомерно раздувшихся органов управления образованием. О, эти органы представляют собой настоящую раковую опухоль, пожирающую все живые клетки и отравляющие миазмами все тело школы, академии, университета. Безумие происходящего в образовании нельзя не заметить, и потому остается только предположить, что уничтожается образование намеренно. Или что этот процесс нельзя остановить, и, подобно неуправляемой ядерной реакции, он вышел из-под контроля, ибо клетки раковой опухоли тоже хотят жить и, несмотря на внешний призыв остановиться, продолжают пожирать, себе на пагубу, уже умирающее тело.

Технологичность образовательного процесса и отчуждаемость инноваций – вот новые идеалы творчества педагога. Говоря проще, желанно то, в чем как можно меньше личного и человеческого. Технологическая карта урока – одна из вершин этого творчества. Это когда урок прописан в точности до минуты, так что ученик при всем желании не может задать учителю вопрос, если он не запланирован заранее, или выступить со своим комментарием дольше положенного. А учитель тем более не может отклониться от предусмотренного порядка действий. Таким образом, спонтанность реакции, живое слово, диалог – все то, в отношении к чему «тема урока» должна составлять лишь оправу – лишается права на существование. Это урок, в середине которого мерцает черная зловещая пустота. Есть и другие вершины, основанные на идеях цифрового и дистанционного обучения. Есть много дивных изобретений, общая цель которых минимизировать «человеческий фактор» учителя и дать возможность прямого доступа Матрицы к мозгу и сердцу ученика. В общем, как верно выразил мою мысль один школьник на ЕГЭ по русскому языку, «каждый должен шагнуть в пропасть социального развития».

Для того, чтобы традиция была жизнеспособной, одних хранителей традиции не достаточно. Можно хранить и мертвую традицию. Нужны те, кто может сказать изнутри этой традиции новое слово. Нужна свободомыслящая и творческая элита. Раньше ее подготовкой занимался университет.

Но теперь ему не до этого. Во-первых, студент не тот. Образование, видите ли, процесс ступенчатый, и через ступеньки там не попрыгаешь. Не приучили в начальной школе сосредоточенно слушать, содержание следующей ступени не будет воспринято, как ни старайтесь. Не привили в гимназии любовь к самостоятельной мысли, студент и в университете останется ограниченным школяром, выучивающим наизусть заданные уроки и считающим вершиной научного поиска составление реферата по готовым источникам. Легкость получения и обширность информации, появившаяся с изобретением персональных компьютеров, значительно способствуют привычке существования в поверхностном слое информационного поля. Объяснить такому студенту, что представляет собой занятие серьезной наукой или художественное творчество, не легче, чем дать понять жуку-плавунцу, бегающему по воде, что означает глубоководное погружение. Но дело не только в студенте. Университет нынче живет от проверки к проверке. Помнится, как любили ехидничать прежние интеллигенты над армейцами, которые к приезду генерала выкрашивали траву в зеленый цвет. Теперь сами занимаются тем же, на интеллектуальном, конечно, уровне, да так рьяно, что армейцам и поучиться можно. В недолгих перерывах между проверками бурная деятельность тоже не затихает. Одни пишут заявки на гранты, другие – отчеты по грантам, третьи – учебные программы и планы, четвертые – статьи в рецензируемые журналы, которые заведомо никто не будет читать, но зато повысится число публикаций и индекс цитируемости. И все вместе заняты жизненно важным и приятным для начальства делом повышения рейтинга университета. Поскольку вся эта деятельность не несет никакой пользы, государство перестало кормить академическую шантрапу и превратила ее в самый низко оплачиваемый класс граждан. Могло бы и совсем разогнать, да только тут, по словам одного высокопоставленного чиновника, будет как со стрижкой свиней: толку мало, а визгу много. В результате лифт заработал в обратную сторону, и среди школьных учителей стали все чаще появляться перебежчики с кандидатской, а то и докторской степенью. И дело не только в деньгах. В школе как-никак больше того, что напоминает настоящую жизнь.

На одной дисциплине ума и тела далеко не уедешь, все же школа – не арена для дрессировки. Нужно работать с внутренним убеждением ученика, транслировать, говоря научным языком, терминальные ценности. Слава Богу, на это дело отводится минимум времени и сил учителя, но и в таком формате доставляет большое неудобство. Дело в том, что весь материал, на котором эту задачу можно решать – исторический, литературный, культурологический – взят из той, прежней жизни, а за окном ученика ждет новая действительность, или, как сейчас стали говорить, – новая нормальность. Некоторые страны сдались и, выкинув все отжившие бредни, включили в национальные стандарты положение о том, что главная задача современной школы – выпустить квалифицированного потребителя товаров. Другие все не уймутся. Вот в России недавно издали документ о десяти базовых национальных ценностях. На первом месте там, разумеется, патриотизм, но осталось место и для творчества, и для религии, и для искусства с наукой. Забыли, правда, про свободу, и это весьма забавно, ибо отцы-основатели педагогики Нового времени в один голос твердили, что конечной целью образования является самостоятельность (автономия) человека. Ну да ладно, в этом-то и заключается отличие теперешней эпохи от Нового времени, что для нас автономия – не ценность. Не верим мы больше, что она существует. Проблема в другом: в том, что в фальшивом и насквозь прогнившем обществе учитель подвергает смертельной опасности ученика, внушая ему высокие идеалы. Многие совестливые учителя серьезно мучаются этой дилеммой. У меня есть для них свой рецепт. Его подсказал мне мой редактор, когда в уже упомянутом эссе о либерализме привел в качестве апокалипсического символа трагедию затонувшего южно-корейского парома «Севол», случившуюся в апреле 2014 года. Тогда погибло более трехсот человек, большей частью – школьники. Важны не цифры, а детали произошедшего. Команда, вся целиком – с капитаном во главе, покинула борт на шлюпках, оставив детей умирать одних. Вскорости появились спасательные катера и вертолеты, которые тоже ничего не стали делать и приблизились к парому только тогда, когда спасателям осталось заняться их с недавнего времени главным и излюбленным делом – идентификацией трупов. Но самое главное – то, что все долгое время, пока паром погружался под воду, из репродукторов

монотонно несло строгое приказание всем пассажирам оставаться в каютах. Большинство школьников и осталось. Те, кто не послушался, – спаслись. Первые звонки, поступавшие от детей родителям, были со смехом и песнями из «Титаника», последние – с уже разряжающихся мобильных телефонов – с плачем и просьбой их спасти.

Может быть, репродукторы забыли выключить, но скорее всего – просто следовали инструкции. И команда тоже действовала не из страха и подлости, а согласно инструкции. И спасатели, которые не хотели рисковать. Теперь все действуют по инструкции, как этому с детства учат в школе, а тех, кто не понял, – доучивает закон. И с учетом всего этого самое лучшее, что может сделать совестливый учитель, – это забросить в ребенка закваску непослушания. Он должен сказать ученикам: я не знаю, кем вы хотите стать, подлецами или честными людьми. Это ваш выбор и ваше дело. Но будьте очень осторожны, если кто-то начнет вас учить нравственности и незыблемым истинам, а тем более призывать к беспрекословному послушанию. Скорее всего, вас хотят одурачить и использовать в своих интересах. Христос остерегал учеников от фарисейской закваски и говорил так: «Все, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте» (Мф.23.3). Времена изменились, и фарисеи стали опасней. Кто знает, что посоветовал бы Христос сегодня? Может быть то, что я обычно советую своим ученикам: «Делайте вид, что вы их слушаете, но повелений их не исполняйте».

У медицины есть два великих преимущества перед образованием. Во-первых, факт патологии или несоответствия норме легко доказать. Поэтому, например, в уголовном уложении нет статьи за оказание дурного влияния, но есть статья за передачу заразной болезни. И если какое-либо государство задумает произвести поголовную селекцию граждан по какому-то психологическому признаку, например, отделить дураков от умных, у него возникнут большие трудности. Совсем другое дело – отделить носителей определенного штамма бактерий или вируса от остальной части страны. Обрести для этой цели хороший тест вполне в силах современной медицины.

Второе преимущество заключается в статусе того, кто попадает в лапы медикам. Быть школьником совсем не стыдно, если тебе не много лет. Зваться студентом до недавнего времени было даже почетно. Теперь к этому званию примешалась доля иронии, но не настолько, чтобы сделать его смешным. Звание «больной», который получает всякий, переступивший порог медицинского учреждения, даже не смешно. Оно унижительно. Оно оказывает сильное депрессивное воздействие на всякого деятельного человека. Его можно без особого ущерба заменить словом «неполноценный». «Эй, неполноценный, куда пополз», – слышится больному в призыве сестры вернуться в палату. Кроме этого, многие чувствуют себя уязвленными от постороннего вмешательства в свой организм, воспринимая это как посягательство на свою собственность. Особенно от этого страдают мужчины, которые вообще менее склонны отдавать свое тело в чужое распоряжение. Поэтому всякое уважающее себя государство должно стремиться к тому, чтобы это звание было присвоено как можно большему количеству тех, кто не принадлежит к управляющей касте. Противовесом в этом случае выступает нежелание государства содержать больных за свой счет. Поиску оптимального баланса способствует усовершенствование медицинского законодательства. С его помощью можно, например, установить целый ряд промежуточных состояний между «больной» и «здоровый», так чтобы их носители лишались почти всех прав, но признавались не настолько беспомощными, чтобы им помогало государство. По мере повышения заботы о здоровье граждан дело это приобретает характер чрезвычайной государственной важности. Наверное, поэтому слово оптимизация так прилепилось к медицине.

Впрочем, чем больше заботы о здоровье, тем больше она касается здоровых. Для того чтобы эта забота не переходила в бесцеремонность, требуются дополнительные усилия и такт. Скажите сами, стоит ли ждать этого от тех, чья задача вас побольше унижить? Значительную поддержку возрастающей бесцеремонности современной эпохи оказало общественное движение за прозрачность жизни, охватившее целый ряд стран преимущественно, как легко догадаться, реформатской традиции.

«Нам нечего скрывать», – гордо говорили голландцы приезжим в начале века, когда те удивлялись, почему вдруг с окон большинства домов исчезли занавески. Трудно поверить, что это движение было спонтанным, настолько органично оно вписалось в повсеместное сужение пространства частной жизни и расширение границ тотальной слежки. Так или иначе, за упразднением занавесок и тайн банковского вклада, переписки и телефонных переговоров последовало фактическое упразднение медицинской тайны, тем более дерзкое, чем громогласней де юре становилась ее защита. Один мой знакомый, человек довольно старомодных правил, был приглашен в США для участия в престижной программе академического обмена. Собрав документы и пройдя необходимое медицинское обследование, он обнаружил, что на первом листе собранного пакета красуется подробное описание состояния его прямой кишки, что его несколько смутило. Когда же по приезду на место он обнаружил, что документы эти он вынужден передать на рассмотрение не медику, а миловидной барышне, с которой, как предполагалось, он будет впоследствии вести академические беседы, он раскаялся в том, что поехал. На такие мелочи, как и на то, что женщины теперь везде должны открыто сообщать свой возраст, никто уже не обращает внимания, хотя всего век назад это вызвало бы настоящий общественный шок. Есть более серьезные причины для беспокойства.

Какой все-таки талантливый русский народ! Как мог Тарковский, снимая свой апокалипсический фильм «Жертвоприношение», предвидеть, что за бунтарями в последние времена будет приходиться не черный воронок и не полицейский фургон, а скорая помощь? И то, что все произойдет тихо, как в его фильме, без взрывов и грохота военной техники, без мобилизации и призывов к сопротивлению? Просто успокаивающе тихий голос из телевизора в какой-то обычный день сообщит: «Ситуация полностью под контролем. Просим всех сохранять спокойствие и не покидать своих домов».

С какими бы катаклизмами ни предстояло еще столкнуться человечеству при переходе в последнюю стадию своей истории, начало этой стадии будут отсчитывать с 2020 года. Именно тогда, во время Первой великой пандемии, было опробовано несколько важнейших нововведений. Первое заключалось в изоляции всех от всех. Человечество с испокон века знало карантин. Это когда зараженная часть общества отделяется от здоровой. Карантинные установления мы находим в Пятикнижии Моисея, как и в других древнейших памятниках письменности. Но никогда еще не было такого, чтобы карантин распространялся на всех сразу и по всему миру, ибо это противоречит смыслу карантина. Поэтому его и не называли карантином, а придумали слово «самоизоляция», замечательное тем, что в нем несчастные изолянты должны были увидеть указание на добровольность их заточения и меньше поэтому возмущаться. Но оно могло прочитываться и иначе – как изоляция *себя*, и не от кого-то или чего-то конкретного, несущего опасность, а вообще. То есть удаление себя – опять же всего себя, а не какой-то своей функции или части – из окружающей жизни.

Кто-то очень умный стоял за мерами социальной изоляции, опробованными в тот год. Лишь потом стало ясно, каким эффективным и долгоиграющим средством снижения численности земного населения стали эти меры. Люди перестали пожимать друг другу руки и обниматься при встрече на улице. Казалось бы, невелика беда. Но на свете много слабых людей, которым иногда очень нужно, чтобы кто-то просто подержал их за руку, пусть даже незнакомый человек. «Я с ними не раз выходил из беды / Я к ним прикасался плечами», – пел о случайных попутчиках, оказавшихся рядом в ночном троллейбусе, знаменитый московский бард. Поэтому слабые и одинокие начали в условиях «новой нормальности» вымирать первыми. За ними потянулись и те, кто посильнее, но по другой причине. Гнотобиоты нежизнеспособны. Полностью стерильная среда – это, конечно, особый случай, но раскрывающий закономерность. Человеческий иммунитет поддерживается малыми дозами заражения от контакта с разными людьми. Ввели изоляцию – контакты исчезли. Контакты исчезли – иммунитет ослаб. Ослаб иммунитет – стали более опасными те болезни, которые раньше считались обыкновенной простудой. Повысилась опасность болезней – усилили меры изоляции. Из этой спирали выйти очень трудно, как трудно подняться самолету, свалившемуся «в штопор».

В тот год лечили от одной болезни, и умерших от других стало значительно больше, чем раньше, но их никто не считал. Произошел скачок в слиянии силовых структур и медицины, и волна грязи, привычная для силовых ведомств, с их кампанейщиной, опорой на грубую силу и секретностью, надежно покрывающей намеренную дезинформацию, захлестнула медицину. Тогда же был впервые создан единый мировой штаб по борьбе с пандемией, и то, что не удавалось самым дерзким узурпаторам – чтобы весь мир плясал под их дудку – удалось кучке заговорщиков, прикрывшихся Всемирной организацией здравоохранения. Первые полосы всех газет и новостных каналов заняли сводки с полей сражений с пандемией, и статистика распространения вируса в какой-нибудь Бразилии или Индонезии вдруг в одночасье стала определять динамику важнейших мировых индексов экономики и судьбу целых отраслей бизнеса, никогда не имевшего никаких отношений с этими странами. Из единого штаба понеслись во все концы директивы о тестировании, изолировании, дистанцировании и введении других социальных норм, неслыханных прежде. И хотя директивы эти имели форму рекомендаций, созданные механизмы давления делали их обязательными для правительств, не желавших нанести непоправимый ущерб своей стране. Впоследствии было много попыток узнать, кто ловил рыбу в этой мутной воде. Все они оказались безуспешны, но факт того, что хорошо организованный вброс информации вызвал на пустом месте самое мощное обрушение акций в истории биржи, заставил многих поверить, что человечество вступило в новую эпоху, где корпорация, владеющая информацией (Министерство Правды), владеет миром.

Еще одно нововведение заключалось в наказании тех, кто не боится заразиться. Раньше неизбежным считалось право человека не подвергаться лечению без согласия и не следовать медицинским указаниям, если это не угрожает здоровью и жизни окружающих. Считалось, что здоровье, тело и биологическая жизнь взрослого человека принадлежат ему самому, если он человек свободный. Роковая черта была перейдена почти незаметно, когда людям старше определенного возраста запретили выходить из дома под страхом штрафа. Если бы пожилые люди были потенциально более опасными разносчиками заразы, черта не была бы перейдена. Но они, напротив, отличались от молодых тем, что были более уязвимыми перед болезнью. И это значило, что запрет связан с охраной их собственного здоровья. Их приравнивали к детям, умалишенным и другим людям ограниченной дееспособности, за которых несут ответственность другие. Государство взяло на себя решение о том, как им следует заботиться о себе, установив тем самым раз и навсегда, что здоровье и жизнь взрослого свободного человека отныне ему не принадлежат.

Один из философов так называемого постмодернизма сделал занятное наблюдение о том, что предметом наказания в прошлом было тело человека, а в эпоху постмодерна стала его душа. Теперь, после пандемии, стало понятно почему. Тело уже не принадлежит человеку, что же его наказывать? Зачем портить свое добро, как говорили раньше работорговцы, отказываясь от слишком строгих телесных наказаний рабов. Я была не совсем права, когда вначале сказала, что тело – последнее, что у человека можно отнять. У человека есть еще то, что называется душевными привязанностями, и даже самому бесправному и нищему человеку они могут помочь испытать чувство собственности и сделаться стержнем его внутренней независимости. Для отмены независимости их необходимо отнять, и медицина здесь может оказать неоценимую услугу, большую, чем право и воспитание. Ибо самую сильную привязанность мы испытываем к живым существам, а где жизнь, там и надзор за ее благополучием со стороны Левиафана, там и медицина. В войне против семьи, ведущейся вот уже сколько лет под эгидой равенства полов, терпимости к сексуальным меньшинствам и заботы о здоровье детей, медицине принадлежит выдающаяся роль. При изъятии детей из семьи заключение медиков о нарушениях в развитии и физическом состоянии изымаемых чаще всего становится ключевым документом. Нет сомнения, что новые требования здравоохранения, продиктованные условиями непрекращающихся пандемий, придадут новый толчок деятельности в этом направлении. Ведь теперь несоблюдение этих требований – будь то изоляция, тестирования или прививки – будут

ставить под угрозу здоровье не только членов семьи, но и их окружения. Помним то самое: «ваша свобода заканчивается там, где начинается свобода другого»?

Ветеринары не могут, конечно, похвастаться той степенью власти, которую в ходе сращения с органами правопорядка, получили медики, но у них все еще впереди. И теперь уже видно, как стремительно входят в нашу действительность обязательное чипирование и вакцинирование питомцев, их постановка на ветеринарный учет и рейды ветслужб по домам с целью надзора над условиями содержания животных. Видимо, и это последнее убежище любящей души должно быть отнято у человека, чтобы он, как герой Оруэлла, полюбил, наконец, одного лишь Большого Брата. Синтетические игрушки, имитирующие живые существа – вот, наверное, тот максимум, на который может рассчитывать человек в скором будущем. Это будет вполне гармонично вписываться в мир, который человечество активно строит последние десятилетия, ибо в нем имитируется все.

Христос призывал учеников не бояться убивающих тело, души же не могущих убить, а бояться более тех, кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф.10.28). Нелегкий призыв! Человеку свойственно бояться смерти тела, боли и неизвестности, связанной с ней. Но и исполнение его, явленное в подвигах мучеников за Христа, стало подлинным основанием Церкви, в самом прямом смысле этого слова. Не стоит алтарь и не служится литургия там, где не присутствует вещественно частица плоти того, кто преодолел страх смерти. И потому выбор этой заповеди в качестве направления главного удара – правильный выбор со стороны тех, кого призвал бояться Христос.

9.

Всякий, кто полюбит меня, полюбит и ближнего. Всякий, обретший духовное здоровье и желающий сохранить его в мире сем, пусть возьмет на вооружение одну эзотерическую практику святых отцов, дошедшую до нас лишь в устном предании. Наутро встав, сотвори молитву: Господи, я недостойн тебя, благодарю тебя за это. Вечером же, если не удалось вспомнить совершенных согрешений – а святым грешить удастся редко – сотвори молитву: Господи, я недостойн твоей любви, прости меня за это. Если же согрешить удастся, поступай так, как предписывает другая мудрость людей равноангельского жития, пересказанная Владимиром Соловьевым. Передаю здесь его рассказ весь без изъятия.

Из «Трех разговоров о войне, прогрессе, и конце всемирной истории» В.С. Соловьева

В Нитрийской пустыне спасались два отшельника. Пещеры их были в недалёком расстоянии, но они никогда не разговаривали между собой, разве только псалмами иногда перекликаются. Так провели они много лет, и слава их стала распространяться по Египту и по окрестным странам. И вот однажды удалось диаволу вложить им в душу, обоим зараз, одно намерение, и они, не говоря друг другу ни слова, забрали свою работу – корзинки и подстилки из пальмовых листьев и ветвей – и отправились вместе в Александрию. Там они продали свою работу и затем три дня и три ночи кутили с пьяницами и блудницами, после чего пошли обратно в свою пустыню. Один из них горько рыдал и сокрушался:

– Погиб я теперь совсем, окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничем не замолишь. Пропали теперь даром все мои посты, и бдения, и молитвы – зараз всё безвозвратно погубил.

А другой с ним идёт и радостным голосом псалмы распевает.

– Да что ты, обезумел, что ли?

– А что?

– Да что ж ты не сокрушаешься?

- А о чём мне сокрушаться?
- Как! А Александрия?
- Что ж Александрия? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый град!
- Да мы-то что делали в Александрии?
- Известно, что делали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочие храмы посещали, в палаты к благочестивому градоправителю заходили, с монахолюбивою донною Леониллою беседовали...
- Да ночевали-то мы разве не в блудилище?
- Храни Бог! Вечер и ночь провели мы на патриаршем дворе.
- Святые мученики! Он лишился рассудка... Да вином-то мы где упивались?
- Вина и яств кушали мы от патриаршей трапезы по случаю праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы.
- Несчастный! А целовался-то с нами кто, чтобы о горшем умолчать?
- А лобзанием святым почтил нас на расставании отец отцов, блаженнейший архиепископ великого града Александрии и всего Египта, Ливии же и Пентаполя и судия вселенной, Кир-Тимофей, со всеми отцами и братьями его богоизбранного клира.
- Да ты что, насмехаешься, что ли, надо мной? Или за вчерашние мерзости в тебя сам диавол вселился? С блудницами скверными целовался ты, окаянный!
- Ну, не знаю, в кого вселился диавол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и благоволению к нам мужей священноначальных и хвалю Создателя вместе со всею тварью, или в тебя, когда ты здесь беснуешься и дом блаженнейшего отца нашего и пастыря называешь блудилищем, а его самого и боголюбезный клир его – позоришь, яко бы сущих блудниц.
- Ах ты еретик! Ариево отродье! Аполлинария мерзкого всеклятые уста!

И сокрушавшийся о своём грехопадении отшельник бросился на своего товарища и стал изо всех сил его бить. После этого они молча пошли к своим пещерам. Один всю ночь убивался, оглашая пустыню своими стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился об неё головой, другой же спокойно и радостно распевал псалмы. Наутро кающемуся пришла в голову мысль: так как я долголетним подвигом уже стяжал особую благодать Святого Духа, которая уже начала проявляться в чудесах и знамениях, то после этого, отдавшись плотской мерзости, я совершил грех против Духа Святого, что, по слову Божию, не прощается ни в сём веке, ни в будущем. Я бросил жемчужину небесной чистоты мысленным свиньям, т.е. бесам, они потоптали её и теперь, наверное, обратившись, растерзают меня. Но если я во всяком случае окончательно погиб, то что же я буду делать тут, в пустыне? И он пошёл в Александрию и предался распутной жизни. Когда же ему понадобились деньги, то он, в сообществе с такими же гуляками, убил и ограбил богатого купца. Дело открылось, он был подвергнут градскому суду и, приговорённый к смертной казни, умер без покаяния.

А между тем его прежний товарищ, продолжая своё подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами, так что по одному его слову многолетне-бесплодные женщины зачинали и рожали детей мужского пола. Когда пришёл день его кончины, измождённое и засохшее его тело вдруг как бы расцвело красотой и молодостью, просияло и наполнило воздух благоуханием. По смерти его над его чудотворными мощами создан монастырь, и имя его из Александрийской церкви перешло в Византию, а оттуда попало в киевские и московские святцы.

Если бы вы меня полюбили, я бы поведала вам немало тайн. Пока же открою лишь одну маленькую истину. Та лестница добродетелей и пороков, которую изобразили в своих сочинениях

ваши отцы-пустынники, состоит не из восьми ступеней. Ступеней больше, и гордость не высшая из страстей. Высшей она стала потому, что ее преодолеть нельзя. Как поведали нам старавшиеся, гордость отличается от семи низших страстей тем, что те, низшие, ведут себя, как любой враг: чем сильнее их бьют, тем слабее становятся. А эта восьмая – наоборот: от каждой победы над ней только возрастает в силе. Да и как можно победить гордость, не впад в богохульство? Не могу же я хулить то во мне, что признаю благим и священным! Иов на этой почве вступил в спор с самим Богом, но вовремя прекратил и раскаялся. Вот и святые, поняв, что гордость нельзя победить, отказывались от дальнейшей борьбы, но смирялись, плакали и неминуемо умолкали. Так они открыли путь исихазма.

Были, однако, и другие. Обделенные по той или иной причине обычной мерой человеческой страстности, они столь быстро проскакивали низшие ступени плотских страстей, что приступали к борьбе с более коварными духовными страстями, не замечая в приобретенной самоуверенности расставленных ловушек и толком не изведав змеиных тайников собственной души. Анахореты делились своим мистическим опытом в аскетических трактатах. Эти скороподвижники за неимением одного стали описывать свои победы на языке психологии и породили обширный жанр психологической литературы под общим брендом «Путь к успеху». Благодаря простоте разработанной ими рецептуры и языка изложения этот духовный ширпотреб знатно потеснил аскетическую литературу и стал своего рода законодателем моды не только в религиозных, но и в нравственных вопросах. Против уныния и печали в этих трудах прописывается здоровый образ жизни и отвлечение от горьких дум полезными занятиями разного рода. От тщеславия – знакомство с жизнью выдающихся людей. От гордости... Впрочем в гордости авторы этого жанра по большому счету не видят ничего плохого, но дабы не вступать в конфликт с традициями христианской аскезы, к которой они то и дело апеллируют, симптомы прельщения собственным величием и успехом там тоже рассматриваются. Чаще всего они предстают в образе эгоизма и нарциссизма. Этот сорт психологических проблем вполне предсказуемо предлагается лечить заботой о ближних, благотворительностью и интенсивным общением, предпочтительно с носителями позитивного отношения к жизни.

Лучшим названием для этого явления, наверное, будет пошлость. Иван Ильин верно заметил, что пошлость отличается от банальности тем, что банальным может быть только многожды повторенное, в то время как пошлым может быть и новое начинание. Он же дал и самое краткое и точное определение: пошлость – это духовная ничтожность. Пошлость при таком понимании может быть оценена только эстетическими или мистическими критериями, коль скоро вторые являются религиозной разновидностью первых. Нельзя же, в конце концов, рационально объяснить представителю психологии и теологии преуспевающего, почему успешным быть стыдно и почему, соответственно, их учение пошло.

Ничто так не выдает различия двух указанных путей, берущих начало от столкновения с гордостью, как значение, приписываемое контролю – над собой, над текущей ситуацией, над достижением поставленных целей, над окружающими людьми. Странники преуспевающего, будучи по определению, сторонниками контроля, любят объединяться с себе подобными (ведь они победили эгоизм и нездоровую склонность к уединению) и вместе делать добрые дела (ведь они нашли в этом спасение от уныния и пустоты жизни). Но все-таки человеческое до конца неистребимо в человеке и при всем их тотальном самоконтроле одна страстишка все-таки пускает в них свой корешок. Эта страстишка – затаенная ненависть к своим противникам, т.е. к святым. Она-то и следует за гордостью на той, теневой части лестницы.

Больше всего их раздражает то, что Владимир Соловьев назвал отрицательной безусловностью человека, а именно отказ от внутреннего ограничения, неудовлетворенность никаким конечным содержанием, способность «искать блаженств, которым нет названья и меры нет». Контроль, мера и польза – все эти три конечных ориентира правильной, с их точки зрения, жизни – не могут терпеть рядом с собой указанную разнузданность и порождают такую меру отвращения ко всему

неподконтрольному, чрезмерному и бесполезному, которую саму можно было бы назвать излишеством, если бы она не облакалась в безупречно благообразную форму. А поскольку они, как уже было сказано, люди общительные и деятельные, эта психологическая установка быстро превращается в идеологию, переходящую в свою очередь в разного рода социальные проекты, во власти которых в конечном итоге и оказалось все человечество. В евангелии от Иоанна Христос говорит: «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин:10;10). И Иоанн говорит от себя: «От полноты Его все мы приняли и благодать на благодать» (Ин.1.16), и чтобы не было кривотолков сразу вслед за этим повествует нам о первом чуде Христа – превращении воды в вино (Ин.2), которое было совершено не для пользы, и не из чувства меры, а для того, чтобы люди хорошо погуляли на свадьбе. И в контексте этих свидетельств социальные проекты сторонников контроля, меры и пользы можно определить как один большой проект борьбы с избыточностью жизни.

Один умный человек хорошо объяснил, почему жизнь в ее полноте не удастся схватить и описать науке, но удастся искусству. Он сказал – что мир, созданный Богом – не чертеж, а картина. А в картине, как знает любой художник, должен присутствовать рефлекс. Свет должен быть оттенен. У нас по этому поводу с сестрицей однажды вышел спор. Она уверяла, что никакому пороку не место в человеческой душе, потому что, мол, Бог есть свет и нет в нем никакой тьмы (1 Ин.1.5) Я ей сказала, что это ведь относится к Богу, а не к человеку. Если ты веришь, что с твоей добродетелью можно построить прекрасный мир, возьми полотно бумаги, вставь его в рамочку и повесь на стенку. Можешь даже устроить выставку одной картины. Вдруг эксперты оценят твой шедевр и назовут его «Белый квадрат» Добродетели. А у меня на картине пусть будет солнце, и лучи его пусть прорезают тьму. Краски жизни – ведь они от той избыточности, которую обещал Христос. А страсти и пороки – от желания обрести эту избыточность поскорее. Погаси желание – поблекнут краски.

Ваши моралисты, прихвостни моей сестрицы, дай им волю, жизнь всех людей превратили бы в такие белые квадраты. И потому они-то и есть мои главные гонители. Они же были главные гонители Христа. У вас лучше других понимал это Пушкин, потому так и сражался с ханжами. И не о хулиганстве Пушкина я говорю. Хулиганов было много и помимо него. Но он умел ударить в сердце ханжеской морали тихим и ровным словом, как он это сделал, например, в «Станционном смотрителе». Или вот этот стих:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Если отвлечься от поэтических изысков, в смысловом остатке будет то, что божественное величие человека заключается в любви к тленному. Это почти по-моему. Я бы только усилила мысль в первой строфе: «Два чувства дивно близки нам / На них от века сердце падко /Любовь к врожденным недостаткам / Любовь к отеческим грехам». Действительно, наша брэнность и проистекающие из нее недостатки достойны если не любви, то хотя бы уважения за то, что они определяют нашу самобытность. Один из новейших философов выразил близкую мысль применительно к познанию: мы больше узнаем об авторе и его времени не из того, что он хочет нам рассказать или внушить, а из тех предрассудков, которыми он живет и которыми наполняется его произведение помимо его воли. Так и с грехами: мы больше узнаем о человеке, поколении или народе не по их добродетелям, а по тем порокам, на фоне которых проступила добродетель. А если пороков нет, они, пожалуй, будут отличаться между собой, как два белых квадрата.

Ваши моралисты вытаптывают Божьи пажити не хуже кочевников-овцеводов. Легко предвидеть, что по мере успеха их предприятия и по мере превращения вашего мира в духовную пустыню им все больше усилий надо будет затрачивать на то, чтобы убеждать людей оставаться в этом мире и чтобы карать за попытки его добровольно покинуть. Сказываю вам, что в конце времен, когда долгота жизни человека увеличится настолько, что люди заговорят о бессмертии, появится секта христиан, которые вдруг вспомнят, что Христос добровольно пошел на смерть, и выйдут с проповедью о таком же праве каждого христианина. Они будут учить, что соединение с Богом невозможно вне смерти, а тот, кто станет их лидером, соберет все места из Писания и все истории из житий святых, доказывающие право на самоубийство. И будет великое гонение на эту секту и во главе гонения станет официальное богословие, и начнется на этой почве у церковного руководства самая нежная дружба с правительством, как это было, когда Пилат отправил Христа на суд Ироду. И перестанут христиане понимать друг друга, и начнется между ними вражда и ненависть, какой не было до этого никогда. Тогда и придет антихрист.

Об этом, видимо, тоже догадывался Пушкин, потому его анфилада пороков, выведенная в «Маленьких трагедиях», упирается в «Пир во время чумы». Это произведение важно для меня. Я читаю все, что касается систематического описания пороков, как вы уже, наверное, поняли из моего интереса к патерикам. Здесь, у Пушкина, явно была структура, но я ее никак не могла разгадать. Как-то не укладывалась она в учение о восьми страстях и в другие известные мне системы. Понять ее мне помогла ворона.

Как сказал еще один русский поэт, на земле потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть Бога. Я бы сказала по-другому: на земле потому так много пороков, что через них нам дано по-разному видеть Бога. Но насчет зверей тоже правильно. Древние, умевшие ценить пороки наряду с добродетелями, поклонялись Богу в своих тотемах и воспевали во льве одновременно жестокость и благородство, в осле – терпение и похоть, в змее – мудрость и коварство, в голубе – простодушие и верность. Так вот, однажды я увидела, как ворона, стащившая какой-то блестящий предмет, закапывает его в городском газоне. При этом она явно волновалась и оглядывалась по сторонам, как бы кто не увидел. Это так явно противоречило евангельским уверениям о том, что птицы не заботятся о завтрашнем дне, и так напоминало трусливого раба из притчи о талантах, что я невольно расхохоталась. И тогда мне стало ясно, что скупой рыцарь – та же ворона, и тот же негодный раб, и нарушает он Божью заповедь не стяжанием, как принято считать, а маловерием в Промысел Божий. И таков же Сальери, только печется он уже не о земных обретениях, а о небесных. Тщеславие, несомненно, выше сребролюбия: по монашеской шкале – на целых четыре ступени. Но в своем инстинктивно-биологическом основании это пороки однокоренные, и корень их в гипертрофированном инстинкте самосохранения. У животных и человека всего-то два основных инстинкта, и второй – инстинкт размножения – противоположен первому, ибо страсть передать свою жизнь другому чревата потерей себя, а в цветении своем эта страсть обращается и в ненасытимую жажду плотской любви, и в похоть смерти. Гипертрофию этого инстинкта мы и находим в паре сюжетов о Доне Гуане и Вальсингаме. Между ними тоже четыре ступени по лестнице добродетели и порока, как между блудом и гневом. Итак, самосохранение – самозабвенность, сначала на низовом, потом – на элитарном уровне. Такова структура «Трагедий».

Все четыре сюжета суть одновременно изображения добродетелей, скрытых как непроросшее семя в пороке. Гениальность Пушкина в том, что во всех четырех случаях их выразителями выступают не визави главных героев – сын рыцаря, Моцарт, командор и священник – а сами герои. Во второй паре это больше заметно, наверное, потому что гнев и похоть, как учил Фома Аквинат, суть седалище всех добродетелей и нет иных источников добродетели в человеческой природе. Надо лишь верно направить их, чтобы достичь высот духа. Но и стяжательство, и тщеславие удобопревращаемы в добродетель, стоит лишь озаботиться стяжанием Духа Святого вместо тленных вещей, и возревновать о славе Отчей вместо тщетного прославления себя.

Скупой рыцарь и Сальери – стяжатели сокровищ, один – земных, второй – небесных. Дон Гуан и Вальсингам – расточители, один – семени будущей жизни, другой – жизни собственной. Но если первые три героя трагедий олицетворяют в своей добродетельной стороне бережливость, любвеобильность и трудолюбие, то какую же добродетель олицетворяет Вальсингам? Если Вальсингам олицетворяет гнев – то на что может быть направлен этот гнев пирующих во время чумы? Чревоугодие и гордость мы сразу отсечем. В том и другом пирующих самих сподручнее обвинить. Остаются печаль и уныние. Но нет, слишком печальны песни самих пирующих и слишком трагичен их председатель, чтобы можно было их упрекнуть в замысле подточить фундамент храма Мельпомены.

А гневается они на то же, на что возгорелся и мой гнев, когда подвинул меня на написание моего к вам послания. Гневается они на то, что кто-то решил посягнуть на высшее право человека – право на выбор между жизнью и смертью, на вызов судьбе, на пренебрежение безопасностью ради свободы. Вы скажете мне, что это грех, что нельзя искушать Бога (Мф.4.7), а я отвечу вам, что слова эти об искушении (Втор.6.16) сказаны были в напоминание не о безрассудстве, а как раз о трусости израильтян (Исх.17.1-7). И что именно, рассуждая как вы, за пренебрежение безопасностью хотели тогда израильтяне побить камнями Моисея, а потом Халева и Иисуса Навина (Числ.13-14). И я напомню вам еще о Давиде, шедшем с пращей против Голиафа (1 Царств 17), об Илии, состязавшемся с жрецами Ваала (3 Царств 18), о множестве мужей и жен древней Церкви, которые, увидев стойкость мучеников, сами себя объявляли христианами и принимали смерть, хотя могли бы этого не делать. И только Бог рассудит, кто из нас прав. Но если и квалифицировать это безрассудство как грех, то лишение возможности совершить его есть грех в квадрате, худший, чем ограбление скупого, холощение Дона Гуана или лишение Сальери музыкального слуха. И это тот самый грех, который ныне впервые в истории совершается над всем человечеством.

Вот в чем причина того, почему ваш гуманизм стал враждой против Бога и человека. Она в стремлении улучшить жизнь, наложив ограничение на ее избыточность. Она в намерении изъять безусловность, полученную от Бога, заменив ее условностью, выдуманной человеком. Она в желании исчислить неисчислимое, укоротить неукротимое, подчинить неподвластное. Давид хотел встать на этот путь, исчислив народ, но сердцем понял богопротивность своего предприятия. У ваших гуманистов не так хорошо с религиозным чувством. А невероятная популярность их идей, охватившая вдруг народы, связана вовсе не с тем, что люди стали добрее, а с тем, что они стали больше бояться смерти.

Вас крепко надули, да так, что вы и возразить ничего не сможете, если только не встанете под мои знамена. Я ваша Жанна Д'Арк. Я научу вас смотреть в лицо врагам и отвечать, не дрогнув, на их суде, когда они будут плести вокруг вас паутину лжи, сотканной из лицемерной заботы о человечестве. И вы будете стойки в непризнании их правоты и покажете всем, что существуют разные системы отсчета, и то, что они называют безусловной ценностью, вы почитаете средством для ее обретения, а в том, что они почитают за излишество и порок, вы усматриваете безусловность. И то, во что инвестируют они, вы почитаете иллюзорным, а то, во что инвестируете вы, они считают несуществующим. Вы спросите, как такое может быть. Сейчас вам расскажу. Слышали ли вы миф о шестипалом Кроносе? Вряд ли, ведь даже греки о нем не знали. А дело было так.

Миф о шестипалом Кроносе

Когда Творец создал этот мир из ничего, он образовал четыре стихии: Землю, Воду, Воздух и Огонь. И сказал им: вот четыре стороны света, и вас четыре, и большему не бывать. И определил каждой свое место: Земле внизу, Воде над нею, выше Воздуху, а Огню повелел всегда устремляться вверх над всеми. И было так. Потом Бог начал населять живые стихии, и первым, как известно, сотворил человека как заготовку, по которой потом можно было творить разных животных, отлепляя от человека ненужное или приставляя недостающее. Но стихиям не понравился этот замысел. Они пришли к Творцу и сказали: почему у человека пять конечностей:

ноги, руки и голова? И почему у него пять пальцев вместо четырех? И почему ты дал ему пять чувств? И почему ты любишь человека больше, чем нас? Дай нам пятого, мы тоже хотим жить под знаком пяти. Но Бог сказал им: откуда я могу взять вам пятого, если у меня больше ничего нет. Тогда хитрые стихии сказали: мы слышали, что ты сотворил мир из ничего, правда ли это? Бог сказал: правда. Стихии сказали: вот и дай нам это. Так появилась пятая стихия. Ее назвали Эфир, а греческие философы почитали ее под именем апейрона. В знак незыблемости этого нового порядка вещей Творец установил пять идеальных фигур: тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр, и уверил стихии, что шестой фигуры существовать не может. Греки потом научились доказывать, что это правда, с помощью теоремы, и возвели геометрию в ранг божественных наук, ибо на ее законах покоился договор между стихиями и Творцом. А печать со знаком пяти – пентаграмма – стала с тех пор почитаться среди всех колдунов и заклинателей.

И стало так. И жили стихии и люди в гармонии между собой, и времени не было у них, так что каждое событие, происходившее на земле, оставалось рядом с людьми и никуда не исчезало. Человек мог наутро встать и решать, в каком доме он сегодня хочет провести день: в доме вчерашнем, или в том, что он посещал месяц назад, или заняться строительством нового. Как долго такое могло бы продолжаться, трудно сказать, да, собственно – и невозможно, ведь измерения времени тоже не существовало. Но вдруг среди людей появился шестипалый мальчик. Такие дети, как вы знаете, и сейчас иногда рождаются. Был он зол, потому что над его уродством смеялись. И вознамерился он отомстить Творцу за свой шестой палец и людям за их смех. А для этого был у него особый дар. Он умел быстро считать и устанавливать связи между событиями. Мы бы назвали сегодня этот дар аналитическим. И стал он говорить всем, что знает то, чего не знают остальные. Например, подойдет к пустому месту пространства, и говорит: я вижу здесь дом, или: этот берег скоро будет размыт рекой. И все дивились, и говорили: воистину у него есть какое-то чувство, которого нет у нас. На самом же деле, он просто умел лучше других высчитывать причинно-следственные связи, и это выдавал за особое чувство. И до сих пор мы говорим о провидцах, настоящих и мнимых, что у них есть шестое чувство.

Поднаторев в этом деле, он пошел к Творцу и сказал: вот я не такой, как люди. У меня шесть пальцев и шесть органов чувств, дай же мне во владение шестую стихию. Не знаю, как он выкрутился насчет шести конечностей, но подозреваю, что у нег мог быть и хвост – такое ведь с людьми тоже бывает – и в таком случае он, конечно, не постеснялся продемонстрировать его Творцу. Делать нечего, и Творец сказал: по дару и владение. Владей тем, что ты умеешь видеть. Он знал, что мальчик этот – его звали Кронос – обманщик, и решил таким образом отвязаться от него, ничего не потеряв. Но мальчик оказался смысленнее, чем можно было ожидать. Он побежал к стихиям и сказал: вот теперь я один из вас, нас теперь шесть, давайте жить в мире. А в качестве первого знака дружбы начал просить у каждой из них, чтобы те спрятали его достояние у себя до поры, пока он хорошенько подготовится к управлению им. Однако Земля, разобравшись в том, о чем ее просят, и поняв, что у нее не хватит глубины, чтобы вместить в себя все то, чего нет сейчас, но что было и будет, отказалась. При этом чтобы не выглядеть скупой, недружелюбной или, что еще хуже, неспособной выполнить просьбу, она сослалась на то, что во владении Кроноса оказываются вещи, о которых он должен договариваться с другими стихиями. Земля же не может прятать у себя то, что в будущем принадлежит Воде. Три другие стихии поступили так же. Тогда Кронос помчался к Эфиру и начал втираться к нему в доверие, говоря: мы с тобой близки, как настоящие братья. Ты ведь тоже был не изначально и к тебе тоже старшие стихии относятся, как к приемышу. Помоги же мне, а я поделюсь с тобой тем, что у меня есть, и образуем с тобой сильный союз. И тогда Эфир, зная, что владение его столь же беспредельно, сколько и пусто, согласился. А поскольку его владением было ничто, то с тех пор события стали уходить в никуда, так что время стало нам казаться тем, что пожирает настоящее и стало ассоциироваться со смертью. Союз Эфира и Кроноса мы сегодня называем Пространством-временем, для поворота используем шестеренку, а измерение времени ведем по шестидесятиричной системе в честь Кроноса. В честь его победы к пентаграмме Соломона добавилась также шестиугольная печать Давида. Кронос требовал от Творца, чтобы его статус, подобно эфиру, был закреплен и в геометрии. На что Творец сказал:

хорошо, сделаю шесть соединением кривого и прямого, так что длина всякого обода да будет в шесть спиц. Кроносу идея понравилась, хотя он и заметил, что отношение соблюдается не совсем точно. На самом же деле Творец, раздосадованный обманом, решил так проучить наглеца и ввел в геометрию число пи, которое от полшестерки вроде не сильно отличается, но по сути своей есть число принципиально иное, трансцендентное, то есть то, которого нет, но к которому можно только приближаться. Так он дал будущим мудрецам тайное указание на то, как относиться к Кроносу. И потому в книге, завершающей Библию, пророк конца времен заклеил Кроноса именем Зверя, а клеймом стала трижды повторенная шестерка. Знающий миф да разумеет.

Но история на этом не заканчивается. Сильно разгневался Творец, поняв, что почти все его богатство перетекло к ненавистному Кроносу. Но непоправимого нет у Бога. Он решил сам стать частью своего богатства и проникнуть таким образом во владения Кроноса, дабы разрушить его. Он ведь пребывает в вечности, а что произойдет, если вечность войдет в то, что имеет лишь временное существование, вы сами можете рассудить. С этой целью он вдохнул дыхание вечности в человека и заповедал ему помнить об этом втором рождении. Так человек, пущенный в поток времени, стал тайным агентом Бога во владениях Кроноса. Как губка впитывает воду, так человек стал впитывать в себя все богатство Божьего мира, которое похитил Кронос. И чем больше унесет в себе человек из царства Кроноса, тем больше его заслуга в вечности. Емкость у промежутков времени разная – вы ведь сами знаете, какими долгими могут стать минуты ожидания или секунды опасности. Но вам дано лишь смутно догадываться, да и то не всегда, какие из мгновений вашей жизни окажутся наиболее драгоценным вкладом в вечность. И у людей емкость разная, но каждый должен хоть что-то унести. Иначе, если вернется с тем, что взял у Бога, услышит то, что сказано было негодному рабу в притче о талантах. А поскольку людей очень много, то Кронос рискует остаться ни с чем и главную свою задачу видит в том, чтобы разрушить эти вредоносные клеточки в своей крови, накапливающие в себе богатство Божие и переправляющие его в вечность. С этой целью он делает все, чтобы люди забыли свое верховное родство и свою миссию и жили так, словно вечность уже наступила и им не надо ничего собирать, а просто плыть себе по течению. Но люди, благодаря вложенному в них разуму, чаще всего не поддаются на эти уловки и задаются вопросом: а куда мы плывем? А задавшись этим вопросом, вспоминают или узнают от тех, кто не забыл, о том, как появилось время.

Правда многие из них по маловерию неверно толкуют свое задание и заботятся больше о том, чтобы остаться в истории, путая историю и вечность. Придумывают разные глупости вроде книги рекордов Гиннеса, фотографируются со знаменитостями, чтобы получить ощущение и подтверждение своей причастности истории. И не понимают, что все эти артефакты относятся к Книге жизни, как детские прописи к Библии. Эти маловерные возвеличивают писателей, оставивших им дух прошлого в своих творениях, не зная, что творения эти – крошки, падающие со стола трапезы вечности. Ибо Богу и сотрапезникам его достаются сами души тех, кто породили эти творения, а это несравненно больше. По той же причине так непомерно развилось тщеславие среди людей. Разве стремились бы столь многие стать артистами, если бы понимали, что право артиста жить чужими жизнями и бывать в разных временах очень сомнительно с точки зрения ценности для Бога его души, а отблески славы, которые он ловит в аплодисментах, часто удаляют его от подлинного величия? Как знать, может быть, землеша, просидевший всю жизнь на нескольких акрах земли, или городской гуляка, известный по всем кабакам, принесут Богу столько квантов похищенного у Кроноса времени и в такой неповрежденности переправят его за гробовую черту, что слава их в вечности сильно превзойдет теперешнюю славу иных законодателей творческой моды.

Общую канву этой истории греки передали потомкам в виде мифа об оскотлении Кроносом Урана и возмездии Зевса, но пересказали ее весьма смутно и упустили главное: то, что схватка с Кроносом не закончена, и ведут ее не олимпийцы, а люди.

Вот в свете этого мифа и стоит взглянуть на «грех» Вальсингама, а заодно – на вопрос Гамлета, и признать, что стремление использовать отведенное человеку время со всей полнотой, рискуя продолжительностью и благополучием жизни, может представлять собой вовсе не пренебрежение даром жизни, но напротив, самое рачительное к нему отношение. А те, кто хотят ограничить свободу человека распоряжаться своей жизнью под видом охраны его здоровья, суть святотатцы, обкрадывающие вечность. Гамлет спрашивал о бытии, которое можно назвать *пребыванием* и которое в своей временной перспективе представляется людям в качестве бытия исторического. Он понял, что для того, чтобы взойти к этой высшей форме бытия, надо сделать то, чему противится земная природа человеческая, желающая просто существовать – вегетировать, чувствовать и воспринимать. Для того, чтобы по-настоящему быть, иметь жизнь с избытком, как это положено человеку, приходится отказываться от себя, как и желающему любить приходится отказываться от единоличного владения своими сундуками. Вальсингам же, соплеменник создателя Гамлета, решил, что для достижения этого достаточно всего лишь бросить вызов смерти. Может быть, он засомневался в этом после разговора со священником. Потому сцена и завершается погружением его в глубокое раздумье. Но в самом своем начальном порыве Вальсингам безусловно Божий человек. Это безбожники меряют величину жизни годами и раздуваются от величия, когда им удастся прожить на несколько лет дольше, чем сверстникам. Божьи люди меряют жизнь количеством квантов времени, которые они смогут впитать в себя, чтобы отдать потом Богу.

Здесь же мы найдем ключ к пониманию того, в чем заключался грех Фауста и в чем суть его сделки. Бедняга Фауст на старости лет разочаровался в своей учености и решил познать прелести простой жизни ценой своей бессмертной души. Но яд смерти тайлся не во вкушении от древа чувственного познания, а в согласии на условие, которое казалось таким легким и безобидным: остановить мгновение, когда захочешь. Слуга Кроноса Мефистофель под видом вечности покатал его по пространству и времени и подсунил ему миг исчезающей реальности, каковой является все царство Кроноса. И купил за эту безделушку душу, которой была уготована вечность. Грандиозность обмана прекрасно представлена в конечной сцене образом слепого Фауста и лемуров, роющих ему могилу под видом строителей дамбы. Решив получить власть над временем, Фауст пренебрег условием, на котором ему была дана Богом частица божественной природы перед тем, как душа будет пущена во временной поток. И душа его, нарушившая завет, застыла в эоне, как жена Лота, превратившаяся в соляной столп. Это действительная трагедия, пострашнее тех, что пережили герои Пушкина. Так что Гете был вынужден смягчить концовку, чтобы не отпугнуть публику.

Я удивлюсь, зачем Бог иногда так долго не забирает стариков, которые уже утратили связь со своим временем и живут лишь воспоминаниями о прошлом. Но думаю, что это те случаи, когда пережитое и поглощенное время должно дозреть в душе, как дозревает плод, уже сорванный с ветки.

10.

Как долго и как безумно я была влюблена в Россию! Я думала, что она станет вечным прибежищем моей бродячей души. Полюбила я ее великий народ, прячущий разгульную вольность под ризой терпения. В хмельном восторге скандинавского воина перед красотой необъятной необжитой земли зачиналась эта страна. И не знала русская душа с тех пор, как можно жить без упоения и восторга. «Руси есть веселие пить. Не можем без этого», – сказал креститель Руси князь Владимир, отвергая мусульманскую веру. И выбрали веру греческую русские князья не за размеренность и разумность, унаследованную греками от своих праотцев, а за иступленность литургических вдохновений. «...И не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом», – сказали послы Владимиру, воротившись из Царьграда.

От начала знали и ценили русские и тот хмель отчаянной битвы, о котором пел Вальсингам в гимне чуме. Недаром Уильям Джеймс, знаток религиозных завитков человеческой души, выбрал для описания религиозного феномена отчаянной удали образ героя Шипки русского генерала Скобелева. Ведом был русскому, по словам Шаляпина, и песенный хмель, так что и без вина застолья его кружили голову от задорной песни или бросали в тягостные раздумья, когда песня выбиралась позадушевной. Вообще душевен всегда был русский. Один умнейший человек сказал, что в Европе всего два душевных народа – русские и евреи. Только еврей – это трезвый душевный человек, а русский – пьяный душевный человек.

Но главное достоинство русских составляло их отношение к греху. В одном из первых русских городов, Старой Ладогге, есть белокаменный храм XII века, посвященный святому Георгию, а в нем роспись по известному сюжету чуда Георгия о змие. Особенность трактовки сюжета заключается в том, что Георгий в этом случае не поражает змея копьем, как в абсолютном большинстве изображений по всей Европе, а лишь сопровождает его. Ведет же змея на поводке за собой та самая царевна, которую он должен был съесть. И на морде змея можно рассмотреть что-то вроде улыбки. По мнению целого ряда авторитетных богословов за этой перестановкой стоит своеобразная сотериологическая доктрина, согласно которой греховное начало в человеке подлежит не истреблению, а преобразению, и не силой, а милостью, так чтобы и оно, это начало, в конце концов от такого обращения с собой *умилилось*. Когда я смотрю на эту картинку, мне все время кажется, что на ней изображена я. Только никак не пойму, то ли я змей, прирученный царевной-милостью, то ли царевна, ведущая вразумленное мною человечество на поводке. Как бы то ни было, ни один другой народ не сумел так примирить меня с христианством.

Об особом отношении русских к греху догадывались многие, и друзья их, и недруги. В ряду многочисленных обличителей и почитателей Достоевского Фрейд ничем не отличается от остальных в том, что, не решаясь впрямую напасть на художественное качество произведений, одновременно делает все, чтобы дискредитировать их автора как морального субъекта: «Достоевский уязвим скорее всего как моралист»... Совершенно верно, ведь моралистом он никогда не пытался быть, в отличие от Фрейда. Но наблюдения Фрейда замечательны тем, что дискредитация Достоевского плавно перетекает у него в размышления о русском народе: «Признавая его высоконравственным человеком на том основании, что высшей ступени нравственности достигает только тот, кто прошел через бездны греховности, мы упускаем из виду одно соображение. Ведь нравствен тот, кто реагирует уже на внутренне воспринимаемое искушение, не поддаваясь ему. Кто же попеременно то грешит, то в раскаянии берет на себя высоконравственные обязательства, тот обрекает себя на упреки, что он слишком удобно устроился. Такой человек не осуществляет самого главного в нравственности – самоограничения, ибо нравственный образ жизни – это реализация практических интересов всего человечества. Он напоминает варваров эпохи переселения народов, которые убивали и каялись в этом, так что покаяние становилось всего лишь приемом, содействующим убийству. Иван Грозный вел себя так же, не иначе; скорее всего, такая сделка с совестью – типично русская черта». Далее следует сентенция, красочно иллюстрирующая пророческий дар этого незаурядного мыслителя: «Достоевский упустил возможность стать учителем и освободителем человечества, он присоединился к его тюремщикам; будущая культура человечества окажется ему немногим обязана».

Здесь, в этом кратком отрывке вы найдете все прелести скромного обаяния моей сестрицы, о которых я говорила выше: и требование самоограничения, и заботу о человечестве, и упреки в варварстве и криминальном складе характера всех, кто с ней не согласен. Дальше у Фрейда все эти тезисы будут развернуты со вполне ожидаемым углублением в сексуальные патологии Достоевского. И каким унисоном этому анализу звучат слова другого «ниспровергателя» викторианских нравов Дэвида Лоуренса! «Перед нами снова болезненно погруженный в самосозерцание русский человек... С такими персонажами нас уже познакомил Достоевский, и они успели нам надоест. Раздвоенные личности с религиозностью беспризорников, они копаются в своем грязном белье и в своих

грязноватых душах... Их внутренние противоречия не так уж загадочны и совсем не поучительны. Пока они чувствуют свою силу, в них клокочет ненависть к цивилизации, к Европе... когда неизбежно силы иссякают, они раскаиваются... ищут самых невысказанных унижений, считая, что так они приближаются к Христу...»

Зависть к русским за их возможность многократного покаяния вполне понятна и даже прощательна воспитаннику кальвинистской традиции в силу известных строгостей пуританского устава, но то, что эта зависть перерастает в открытую неприязнь, должно объясняться более глубокими причинами. И причину этого я вижу в отношении ко мне.

«Грешить бесстыдно, беспробудно, счет потерять часам и дням», – начинается одно из известных стихотворений Блока. И заканчивается: «Да, и такой моя Россия ты всех краев дороже мне». Не «и такой», а «именно такой» мог бы, наверное, добавить Розанов. Тему божественной харизмы, почивающей на русском народе не потому, что русские лучше, а несмотря на то, что они хуже других, мы находим не только у Гоголя, Достоевского, Хомякова («В судах черна неправдой черной ... и всякой мерзости полна» – одно это чего стоит!), других писателей консервативно-почвеннического крыла, но и у русских западников. Были даже попытки рационального объяснения этого странного феномена, несмотря на предупреждение Тютчева о том, что Россию умом понимать не надо.

Владимир Соловьев с его склонностью историософствовать направо и налево выдвинул неожиданный тезис о том, русская национальная идея, она же мировая миссия русских, состоит в неустроенности жизни, отрицании смысла во всяком благоустройстве и, по-видимому, заражении этим нигилистическим настроением всех вокруг.

Из статьи В. Соловьева «Три силы»

Итак, третья сила, долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением высшего божественного мира, и те люди, тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только посредником между человечеством и тем миром, свободным, сознательным орудием последнего. Такой народ не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи, он не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом. Такой народ не нуждается ни в каких особенных преимуществах, ни в каких специальных силах и внешних дарованиях, ибо он действует не от себя, осуществляет не свое. От народа – носителя третьей божественной силы требуется только свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтоб он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной низшей сфере деятельности и знания, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение. А эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа. <...>

Внешний образ раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. <...>

Мы... должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность... Эта вера есть необходимый результат внутреннего душевного процесса – процесса решительного освобождения от той житейской дряни, которая наполняет наше сердце, и от той мнимой научной школьной дряни, которая наполняет нашу голову.

Похоже, что эта идея достаточно безумна для того, чтобы быть истинной. Во всяком случае, она пробрасывает крепкий историософский мост между метанарративом, с которого начиналась русская история («земля наша обильна и богата, однако порядка в ней нет») и интенсивными анархическими умпостроениями русских, которые, по Бердяеву, определили лицо русской философии XIX века. «Мы угадываем символ этого синтеза в многозначительном и разнозначном, влекущем и пугающем, провозглашаемом как разрешение и все же неопределенном, как загадка, – слове *анархия*», – писал Вячеслав Иванов. О как бы мне хотелось, русские, чтобы вы поняли, наконец, что не анархия, а Амартия ваше заветное слово! Благо, заменить надо всего две буквы.

Василий Зеньковский – психолог, педагог, историк, философ, богослов и весьма неплохой литературовед в одном лице – понял это лучше других и дал простое и понятное объяснение столь контрастному отношению к пресловутой русской греховности у своих и чужих.

Из книги В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»

Греховность, конечно, проникла в весь состав человека, во все его функции, отчего создалась в человеке, в его глубине коренная двойственность, – иначе говоря, добро в человеке так неисследимо сплелось со злом, как это рассказано в одной из самых глубоких по своему смыслу притч Господних – о пшенице и плевелах (Матф. 13, 24–30). Но эту пронизанность всего состава человека началом греха (не устраняющую таковой же силы добра) католическая догматика признает за всю истину о естестве человека, а его первозданную чистоту объясняет особым действием благодати Божией, каковая отделилась от человечества после грехопадения. В протестантизме учение о греховности природы человека выразилось еще резче, затмив совершенно учение об образе Божиим в человеке. В православном же сознании вся важность и существенность учения о грехопадении не закрывает того, что истина о «естестве» человека открыта прежде всего в учении об образе Божиим в человеке. <...>

Тень зла никогда не закрывала в православной традиции сияния образа Божия, – и тут присоединилось одно обстоятельство, которое тоже всегда остается непонятным в глазах западных христиан – наше православное отношение к греху, к грешникам. Мы так глубоко ощущаем и в грешнике образ Божий, так ищем его в нем, что отсюда возникает у нас, по мнению западных христиан, как бы некое нечувствие, что есть грех. Западное христианство – достаточно напомнить «Исповедь» блаж. Августина, а в протестантизме гениальные страницы в «Römerbrief» К. Барта – испытывает такой ужас перед грехом, сознает себя и все человечество настолько грешным, что забывает об образе Божиим в человеке. Не только в силу догматических искажений возникло в католичестве учение о непорочном зачатии Богоматери, но надо признать, что при том понимании природы человека, какое живет в католическом восприятии мира и человека, это учение является решительно необходимым, чтобы не смять того почитания Божией Матери, в котором мы едины с католиками...

Православное сознание тоже глубоко ощущает грех, но не боится его, не слепнет от него, не отрекается от сознания образа Божия.

И потому так нестерпимы в русской литературе любой морализм и любая позитивная программа, даже у крупных писателей, будь то Лев Толстой или Солженицын. Они равносильны вероотступничеству. Единственный достойный путь морального назидания в России был проложен сентиментализмом. «Му-му» – это хорошо, «Лев и собачка» тоже. На худой конец можно разбавить мораль религией (в современной России такой состав называется духовно-нравственным). У Толстого это неплохо получилось в его христианских рассказах. Там слащавость морализма уравновесилась терпкой приправой христианского аскетизма. Ему даже удалось сделать удобоваримой для мирского читателя святоотеческое поучение и подать его маленькой ложечкой взрослым и детям. (Никто же всерьез не полагает, что в воспитательных целях «Добротолубие» или «Училище благочестия» можно использовать в концентрированном виде. Я знала нескольких воспитателей, которые решились прыгнуть в эту стихию. Те, что были крепки здравым умом, выскочили оттуда, как ошпаренные. А тех,

кто решил омолодиться в этом котле, как сказочный Иван, по большей части постигла судьба старого царя). Но развивать отвлеченные моральные принципы в России остерегался не только любой уважающий себя художник, но и философ.

Я уже приводила примеры отношения русской литературы к тому, что при викторианских нравах принято было по преимуществу именовать плотским грехом и к чему так смехотворно пытаются снова прилепить это звание скауты пуританизма, совсем не зная брода в этой глубокой реке. Не могу удержаться и приведу еще один пример. Сделаю же это не потому, что примеры эти можно исчислить, но лишь потому, что привлекаемый автор как раз в ту викторианскую эпоху исполнял должность цензора, т.е. фактически был уполномочен блюсти общественную нравственность. Этот пример уберезит моих критиков от обвинения меня в том, что я выдергиваю из русской литературы какие-то маргинальные идеи и прохожу мимо ее крепкого нравственного ядра из желания обеспечить оправдание собственной безнравственности. Речь идет о сцене падения главной героини, представляющего собой кульминацию романа и предваряемого одной из самых потрясающих авторских реплик в литературе: «Боже, прости ее, что она обернулась!..» А далее идет текст, описывающей состояние главного героя романа, узнавшего о свершившемся. И имеющий уши да слышит!

Из романа И.А. Гончарова «Обрыв»

Погибай же ты, жалкая самка, тут, на дне обрыва, как тот бедный самоубийца! Вот тебе мое прощание!..

Он хотел плюнуть с обрыва – и вдруг окаменел на месте. Против его воли, вопреки ярости, презрению, в воображении – тихо поднимался со дна пропасти и вставал перед ним образ Веры, в такой обольстительной красоте, в какой он не видал ее никогда!

У ней глаза горели, как звезды, страстью. Ничего злого и холодного в них, никакой тревоги, тоски; одно счастье глядело лучами яркого света. В груди, в руках, в плечах, во всей фигуре струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила.

Она примирительно смотрела на весь мир. Она стояла на своем пьедестале, но не белой, мраморной статуей, а живою, неотразимо пленительной женщиной, как то поэтическое видение, которое снилось ему однажды, когда он, под обаянием красоты Софьи, шел к себе домой и видел женщину-статую, сначала холодную, непробужденную, потом видел ее преобразование из статуи в живое существо, около которого заиграла и заструилась жизнь, зазеленели деревья, заблестали цветы, разлилась теплота...

И вот она, эта живая женщина, перед ним! В глазах его совершилось пробуждение Веры, его статуи, от девического сна. Лед и огонь холодили и жгли его грудь, он надрывался от мук и – все не мог оторвать глаз от этого неотступного образа красоты, сияющего гордостью, смотрящего с любовью на весь мир и с дружеской улыбкой протягивающего руку и ему...

«Я счастлива!» – слышит он ее шепот.

У ног ее, как отдыхающий лев, лежал, безмолвно торжествуя, Марк; на голове его покоилась ее нога... Райский вздрогнул, стараясь отрезвиться.

Его гнал от обрыва ужас «падения» его сестры, его красавицы, подкошенного цветка, – а ревность, бешенство и более всего новая, неотразимая красота пробужденной Веры влекли опять к обрыву, на торжество любви, на этот праздник, который, кажется, торжествовал весь мир, вся природа.

Ему слышались голоса, порханье и пенье птиц, лепет любви и громадный, страстный вздох, огласивший будто весь сад и все побережье Волги...

Полнота переживания жизни, которой удалось достичь русским благодаря их счастливой способности ладить со мною, оставалась какое-то время совершенно незамеченной европейцами, пока

она, как замечательно выразился Набоков, не проступила подобно водяному знаку в свете русского искусства. И благодаря этой полноте многие русские познали тайну похищенного времени и спасительного момента и передали ее другим. Здесь много что можно вспомнить. И холодный осенний вечер Бунина, и набоковскую ласточку, и, конечно же, то утро после белых ночей, в которое герой Достоевского восклицает: «Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?»

Даже большевистский террор и пролетарская дисциплина, индустриализация и коллективизация не смогли вырвать из русского сердца мечту о полной, привольной и естественной жизни. Лишь надорвали сердце безмерностью страданий. И даже Ельцин, наломавший дров и просивший потом у народа прощения под новогодней елкой, был еще того старого, русского духа. А потом что-то изменилось. И мой некогда любимый народ начал с упоением строить правовое государство, и бороться с правовым нигилизмом, и повышать правовую культуру заодно с культурой потребления. А национальной идеей России была объявлена конкурентоспособность. И гражданам было предложено «беречь себя и друг друга», а политикам – «руководствоваться исключительно интересами России». И вот тогда-то по-настоящему стала Русь «немецкой, чинной, мерзкой...» Да если бы немецкой! У немцев под чинностью нет-нет да и забродит дионисийская закваска. С немцами русские бы не пропали. Недаром начало русскому юродству положил ганзейский купец из немецкого Любека Прокопий Устюжский, а в некоторых сибирских деревнях, как поговаривают, мужики поминали за молитвой «иже во святых отцах наших» Иакова Бёме.

А дальше вы всё сами знаете и видите. Лопнула невидимая струна, и стихли застольные песни. И Русь стала потихонечку уходить. И не в тот заветный подводный город, в который уходила есенинская, волошинская, платоновская Русь, а начала она просто исчезать, истаивать, уходить в былое. Исчез тот русский мужичок, под говор которого любовался Россией Лермонтов, который умел нашептать Розанову его достоевское словечко, поразить Гоголя и Тургенева из груди вырвавшейся песней и надоумить Некрасова учиться нравственности у тростника и клена. И никакие ракеты нового поколения этой потери уже не исправят. Потому что ракеты хороши, если есть, что защищать. Как там у Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»? Так ведь слово – великое, если от души и если есть, о чем сказать. А если душа омертвела и мечта погасла, можно и чужому языку поучиться.

А ведь была у России возможность, обеспеченная теми же ракетами и огромными богатствами обширной земли. Давало ей это обеспечение исключительный исторический шанс смело и решительно отвергнуть все богомерзкие идеи, отравляющие души людей во имя их здоровья, процветания и толерантного отношения друг к другу, и встать на собственный путь развития. И если бы решилась российская власть прокладывать этот путь не взвинчиванием запретов, а напротив того самой бережной заботой о сохранении свобод, если бы каждое новое ограничение, необходимое для удержания зла, она сопровождала прежде всего заботой о том, чтобы ограничение это не подавило инициативу ее людей к открытию своего дела, не грозило бы вмешательством в их частную жизнь и не породило бы самой мысли о том, что государство может не учитывать их воли, тогда Россия могла бы превратиться в самое привлекательное место на Земле. И как подобное тянется к подобному, потянулись бы в Россию те, кому дорога и близка русская мечта и русский склад ума, за который, как писал Герцен, единым сердцем любили Россию и западники, и славянофилы. И они наполнили бы русскую идею свежей кровью и сделали ее моим неприступным оплотом.

Ничего этого не случилось, и потому я покидаю Россию. Я разочаровалась в ней. Нет больше на ней моего благословения. Русские слишком долго кичились своей духовностью, глубиной и талантом, намеревались исправить пути Европы, а оказались неспособными спасти себя, и лишь удержали необъятные свои территории, чтобы отдать их другому народу. Они сами создали родное пепелище, пусть сами и любят его. Они сами превратили то, что было дано им в веселие, в тягость и погибель

себе. И мне больше не радостно с ними. Как в свое время Моисей предупреждал народ Израиля, что станет с ним, если отступит от своего призвания: «Дом построишь, и не будешь жить в нем; виноградник насадишь и не будешь пользоваться им... И сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои» (Втор.28.30-34). Русские оказались царь-пушкой, которая не стреляет, и царь-колоколом, который не звонит. Живите с моей сестрицей, и она научит вас, как окончательно забыть о том, кем были ваши отцы. Прощай, умытая Россия!

Но остались еще вольные и крепкие племена на земле, способные постоять за себя. К ним я пойду. Я слышала от одного старого мусульманина, что есть хадис, приписывающий Аллаху такие слова: «Если бы вы (люди) не грешили, Я бы не любил вас». Это неплохо для начала. Надо лучше присмотреться к исламским странам и в особенности к Ирану. У этой страны крепкий и глубокий фундамент, постарше русского на пару тысяч лет. Конечно, и там есть свои неприятности. Персы всегда слишком любили правду, а затем у них появился шариат. Но они, похоже, научились относиться к своему шариату по-еврейски. Думаю, мне поначалу сильно будет недоставать вина. Прошли те славные времена хайямовы, когда благословенный напиток лился рекой и в их стране и веселил сердце человека, как это заповедано Богом (Пс. 103.15). Но застолья у них по-прежнему веселы. А вино в крайнем случае можно найти замену.